СТАРООБРЯДЕЦЪ

Газета для старообрядцев всех согласий

Июнь '96 № 1(2)

Год издания первый

Всем, кто желает познать свои корни, традиции и веру

Издание осуществлено по одобрению:

- настоятеля о. Германа (Успенская церковь, Городец)
- наставника Евгения Кирилловича Зернова (Н. Новгород)
- наставника Петра Карповича Волкова (Н. Новгород)

Этот номер газеты вышел благодаря помощи депутата V Государственной Думы РФ Т. В. Черторицкой и группы поддержки президента Б. Н. Ельцина.

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ:

- От пустынницы Агафии Лыковой — *стр. 2*
- Боярыня Морозова — *стр. 5*
- В край скитов и святых могил — *стр. 12*

ОТ РЕДАКЦИИ

Ставя перед собой задачу доставки этого и последующего номеров газеты в каждую общину или приход (как бы малочисленны они ни были), редакция просит сообщить нам о своем существовании и нуждах (богослужебная литература, кресты и т.п.) по нашему временному адресу: 603158, Нижний Новгород, проспект Кораблестроителей, дом 26, корпус 2, кв. 31, редакция газеты «Старообрядец».

Встреча Б. Немцова с старообрядцами

19 февраля 1996 года состоялся визит делегации нижегородского старообрядчества к губернатору нашей области Борису Немцову. Во встрече приняли участие губернатор Борис Немцов, председатель комитета по связям с общественностью Василий Сарычев, представители Успенской церкви Н. Новгорода (Русская Православная Старообрядческая Церковь), Успенской церкви Городца (Русская Древлеправославная Церковь), Нижегородской поморской общины. На встрече присутствовал и корреспондент «Старообрядца».

Следует отметить весьма благожелательное отношение нашего губернатора к старообрядчеству в целом. Ранее Б. Немцовым была оказана поддержка некоторым старовер-ческим церквям области, выделялись средства на памятные знаки для заволжских святых мест и т. д. Во время нынешней беседы внимание губернатора было обращено на положение, в котором находится ныне старообрядчество, положение, при котором право представлять православие монополизировано представителями патриаршей церкви, на необходимость сохранения историко-культурного и духовного наследия нижегородского староверия.

Принято решение о создании при областной администрации комиссии по делам старообрядцев, в компетенцию которой отнесены всевозможные вопросы, связанные с старообрядчеством. Это, например, вопрос о сооружении в Н. Новгороде памятника купцу Н. Бугрову, проблема возврата старообрядцами похищенных у них икон (которые ныне передаются представителям РПЦ), вопрос о создании центра по изучению историко-культурного наследия нижегородского старообрядчества и другие.

Заволжские старики

Церковная реформа XVII века: трагическая ошибка или диверсия?

(Окончание. Начало в номере за декабрь 1995 г.)

Уже говорилось об интригах католицизма в связи с Восточным вопросом. Существует любопытный документ, опубликованный митр. Макарием (Булгаковым) в его «Истории Русской Церкви» в разделе о смутном времени:

«Из инструкции иезуитов Самозванцу, как ввести унию в России».

(...) д) самому государю заговаривать об унии редко и осторожно, чтоб не от него началось дело, а пусть сами русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразования, и тем проложат путь у унии;

е) издать закон, чтобы в церкви русской все подведено было под правила соборов отцов греческих и поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии: возникнут споры, дойдут до государя, он назначит собор, а там можно будет приступить и к унии;

з) намекнуть черному духовенству о льготах, белому о наградах, народу о свободе, всем — о рабстве греков;

и) учредить семинарии, для чего призвать из-за границы людей ученых, хотя светских».

Так вот кто давно заботился о единообразии русского и греческого богослужения! Задолго до царя Алексея и Никона главный пункт реформы (ее суть) был продуман иезуитами, сформирован и выдан своим агентам в качестве рабочей инструкции. Этот план иезуитов почти полностью и был осуществлен спустя полвека в процессе церковной реформы XVII в. Ход реформы поразительно совпадает со всеми пунктами этой инструкции.

«Поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии»...

Подыскали «благонадежных» людей: Арсения Грека, Епифания Славинецкого, Паисия Лигарида, Симеона Полоцкого и др.

Арсений Грек — воспитанник иезуитской коллегии в Риме, неоднократно переходил из православия в латинство и обратно, принимал на время магометанство. За еретичество был сослан на Соловки, но Никон в 1652 г. освобождает его, делает главным справщиком богослужебных книг и даже поселяет у себя в келии. Арсений же рекомендует Никону Паисия Лигарида, также воспитанника римской иезуитской школы.

«Паисий Лигарид — лоза не константинопольского престола, — так отзывается о нем константинопольский патриарх Дионисий, - я его православным не называю, ибо слышу от многих, что он панежник, лукавый человек». По современным данным, Лигарид — католический миссионер, направленный на Восток в 1641 г. В Москве он разыгрывает роль православного газского митрополита, приобретает огромное влияние на царя Алексея и во многом определяет решения собора 1667 г. Он — главный подручный царя в осуществлении «греческого проекта»; его, по словам Каптерева, сам царь слушал «как пророка Божия».

Симеон Полоцкий — выпускник польской иезуитской коллегии в Вильно, наставник царских детей (воспитывал их в польско-латинском духе), ловкий борзописец, пишущий комедии для царского театра, активный сторонник Никоновой реформы, написавший полемический трактат против старообрядцев по заказу царя. Несомненно, принес большой вред русской словесности внедрением в литературу того времени польско-украинского жаргона и польского силлабического стиха, чуждого русской культуре. Многие в Москве обвиняли Полоцкого в неправославии. Протопоп Аввакум прямо говорит: «Овчеобразные волки Симеон и Епифаний. Знаю я Епифана римлянина до мору, егда он приезал из Рима... А Меменка чернец оттоле же выехал, от римского папежа».

Общая латинская направленность реформаторской деятельности Никона отмечена многими исследователями. Некоторые историки прямо указывали, что Никонова реформа — результат интриг иезуитов. По словам Ю. Ф. Самарина, Никон хотел «основать в России частный национальный папизм». Папа — глава церкви и государства: в единстве духовной и политической власти главный нерв папизма. Папоцезаризм Никона вполне выявился за период его пребывания у власти. «На отношения царской власти к патриаршеской Никон высказал взгляд, который никак не сходился с преданиями восточной церкви, утвержденными в России историей» (С. М. Соловьев). Подражая католикам, он вводит в употребление четырехконечный крест, преднесение креста перед патриархом, шляпу себе делает на манер

(Окончание на 3-й стр.)

От пустынницы Агафии Лыковой...

(Продолжение темы)

Второе письмо Агафии (весна 1994 года)

«Господи Исусе Христе Сыне Божии помилуй нас, аминь, низкий большой поклон всем вообще, от пустынницы Агафии Карповны Лыковой, жителям в Нижегородскую область в Семеновский район и город, на речку Керженку, оставшем старообрядцам, христианской веры старинного благочестия, сохранившимся от никонова гонения и раззорения, желаю всем от Господа Бога доброго здравия наипаче всего душевного спасения, в жизни всякого благополучия в дальнейшем, впереди дай вам Господи сохранять истинную христианскую веру от никонян, и от протчих всяких ересей. Про Оленевский скит (существовал в XVI—XX веках на реке Керженец, ныне деревня Б. Оленево (Кельи) Семеновского района.- **Ред.**) *у нас стих сохранився по сий час, знам какое было благочестие и как там ево никоняны раззоряли, ссылали в Семеновский город, и так все позорили они там, и при том наших предков Лыковых сослали оттуда в дальней край келуторскому городу* (Сибирь.— **Ред.**), *тюменска область. Тут последнии были священники: священник Авраамий и священник Тарасий. И этих последних никоняны замучили. Тогда не стало и тут священников. Тогда оттуда уехали на Абакан и вот я теперь одна осталась Лыкова. Вот такое время: перво Никон позорив, потом последне советска власть всех раззорила и нам пришлось хранится толко так, что с места на место укрывались в горах. Потом последне нашли в горах, перво с вертолета, потом пришли и на жительство. И вот так мы сохранялись, но теперь я со здоровьем очень плохо, нонче только ели живу увезли на Горячий Ключ...».*

Далее в этом письме Агафья просит выслать ей кресты с адамовой главою, так как *«здесь в этих краях негде стало взять крестов»*, поэтому *«к вам обращаюсь с просьбой, на Керженку речку, там было старинного благочестия»*. Грустно при этом замечает Агафья: *«Анна Антоновна с Урала высылала... а теперь давно от ней ни письма ни стало ничего, наверно, нету ей в живых. Саватий высылал, тоже давно нету и его в живых. Вот так все отходят от сего света...»*.

* * *

Как провела Агафья прошлую зиму, нам поведал московский писатель Лев Степанович Черепанов, на протяжении многих лет поддерживающий связь с Лыковой и, в меру своих сил, помогающий ей выжить в трудных условиях высокогорья Саян. Итак, еще осенью 1995 года на средства Министерства по чрезвычайным ситуациям к Агафье вылетала экспедиция, в составе которой находился и Черепанов. Десять дней прожили они с Агафьей в тайге, на берегу реки Еринат. Все это время добровольцы оказывали Лыковой помощь в подготовке к зиме, которая в этих краях бывает чрезвычайно суровой. За эти дни Черепанов с товарищами напилили на зиму дров, накопали на агафьином огороде картошки, наловили в Ринате рыбы, заготовили козам корм, надрали мох для утепления потолка в новой агафьиной избе. Кроме того, экспедиция привезла с собой для Агафьи кое-какие продукты, лекарства.

4 апреля нынешнего года с Алтая к Агафье перебрались Галина и охотник Алексей Уткин (старообрядцы), чтобы пожить на Ринате, помочь Агафье вести хозяйство. Про Уткина Агафья в одном из своих писем Александру Лебедеву еще в 1993 году писала: *«Сообщаю о себе, пока, слава Богу, помаленьку живу... но со здоровьем плохо стало, болеть стала я, надо человека, с дровами одной не в силах и притом хозяйство. Но вот один человек находится желатель, Алексей Анатольевич Уткин, мы с ним 13 лет знакомы, с маминой родины.*

Я про него еще когда была на Туве с Максимилой говорила (Максимила — настоятельница одного из старообрядческих скитов, затерянных в горах Тувы.— **Ред.**), *и она мне сказала: этого человека можно принять. Я вот по совету Максимилы, если даст Бог, придет на жительство, то примаю его, как своего родного брата для помощи, так вроде человек хороший, домовитый. Писала 19 августа на Ринате от Адама лета 7501. Простите меня Христа ради и вас Бог простит...».*

С этим же вертолетом, что забросил на Еринат Уткина и Галину, Лыкова сообщила, что зима 1996 года была очень холодной, речка промерзла до дна, и воду пришлось брать в ручье. Жалуется Агафья на боли в спине, руки у ней «терпнут», то есть теряют чувствительность (ревматизм). Попросила Агафья прислать ей, если будет возможность, согревающие мази, а также то ли постную триодь, то ли общую минею.

Уезжать из тайги Агафья не собирается (так что все разговоры о том, что Лыкова перебралась на Алтай к родственникам,— досужие вымыслы). Несколько лет назад Лыкову возили к родственникам-старообрядцам (с материнской стороны) в таежную деревушку в алтайских горах. Едва ли не на коленях родственники уговаривали ее остаться: «Не хочешь жить в деревне, построим избушку в таежной пустыне». Не согласилась Агафья, сказав, что пустынь для нее там, где она родилась, где могилы родителей.

В августе Лев Черепанов планирует организовать очередную экспедицию к Агафье с участием представителей старообрядчества с целью помощи в подготовке хозяйства Лыковой к зиме. От участников этой поездки редакция надеется получить самые последние известия о житие пустынницы Агафии.

Мое путешествие к Агафье

Летом 1989 года нижегородец Александр Лебедев получил приглашение участвовать в поездке к Агафье Лыковой. Свои впечатления от этого путешествия Александр изложил в произведении, названном им «В агафьиной тайге». Мы начинаем публикацию выдержек из этого объемного труда.

«И те, которых весь мир не достоин, скитались в пустынях, и горах, и пропастех земных».

Апостол Павел.

Участники экспедиции съезжались из разных городов и общая наша встреча была намечена на 3 августа в гостинице города Абакан. Пока фирменный поезд «Хакассия» мчит меня через всю Россию в Сибирь, я хочу пояснить тем читателям, кто ничего не знает о Лыковых, обстоятельства их ухода в глухую тайгу.

В 20-х годах Лыковы жили своей усадьбой в Тишах, что на реке Большой Абакан. Когда появились истребительные отряды ЧОН, для окрестных крестьян началось нелегкое время, и они стали переселяться подальше в горы, к Лыковым. Из лыковского починка выросла маленькая деревня в 10 — 12 дворов. Подселявшиеся к Лыковым, естественно, рассказывали, что происходит в мире, все они искали спасения от новой власти.

В 1929 году в лыковской деревне появился некто Кукольщиков с поручением создать артель.

В том же году Лыковы, не пожелав записываться в артель, поскольку привыкли к независимости и наслышались о том, что им уготовано в «новой жизни», собрались и ушли все вместе: три брата — Степан, Карп и Евдоким, их отец Иосиф, мать, а также близкие родственники. Карпу Иосифовичу было тогда 28 лет, он не был женат. Все Лыковы подались по реке Большой Абакан вверх и нашли там себе укров. Жили не тайно, а появлялись в Тишах, чтобы покупать кое-какие припасы; вместе с тишинцами поставили лечебницу на Горячем Ключе. Через год Карп сходил на Алтай и привез себе оттуда жену Акунину Карповну.

В 1932 году образовался Алтайский заповедник, и Лыковым запретили охотиться и рыбачить. Они вынуждены с Абакана уйти. В 1935 году Лыковы ушли на Алтай к родне. Карп наведывался на прежнее место жительства, и там, на своем огороде, при Карпе егерями был застрелен Евдоким. Затем Лыковы подались на Еринат. С этого времени началось для них хождение по мукам. Их спугнули пограничники, и они спустились по Абакану до Щек, срубили там избу, вскоре еще одну, более удаленную от берега и жили на подножном корму...

Вокруг них, в частности, в Абазе, ближайшем к Лыковым городке горняков, знали, что где-то должны быть Лыковы. Что Лыковы живы, стало известно в 1978 году, когда появились там геологи. Они подбирали площадки для высадки исследовательских партий и натолкнулись на «ручные» пашни Лыковых. Много невзгод пронеслось над их головами за эти годы. Акулина умерла еще в 1961 году. Из-за контактов с людьми вспыхнула эпидемия гриппа, от которой ушли из мира трое детей Карпа — Саввин, Дмитрий и Наталья. В 1988 году от гриппа же умер и Карп Иосифович.

Наконец, утомительное путешествие закончено. Все участники экспедиции собрались в гостинице города Абакан. Там мы узнали о том, что Агафьи на Ринате нет, что она выехала в верховья Енисея в старообрядческий женский скит. Принято решение — сегодня же летим в Кызыл — столицу Тувы, вслед за Лыковой.

(Продолжение следует)

Церковная реформа XVII века: трагическая ошибка или диверсия?

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

кардинальской, митры его имеют вид то тиары, то западной короны. Никон неоднократно пользуется приемом ложной клятвы, обнаруживая знание иезуитского учения. Более того, по сведениям историка Татищева, Симеон Полоцкий уговаривал молодого царя Федора возвратить Никона из ссылки в Москву и сделать папою.

С течением времени вскрылось много подлогов, совершенных в процессе Никоновой реформы ее творцами и предателями. Пожалуй, сенсационный разоблачительный материал приводит проф. Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенский в статье «Коллизия двух богословий в исправлении русских богослужебных книг в XVII в.».

В начале реформы на соборе 1654 г. было постановлено исправлять богослужебные книги по древним греческим и славянским образцам. Проф. Успенский неопровержимо доказал, что образцами для исправления служили современные греческие богослужебные книги, изданные преимущественно в иезуитских типографиях Венеции и Парижа. Чтобы скрыть этот факт, Никоновы правщики, фальсифицируя, писали в предисловиях некоторых книг, что исправление проводилось согласно «с древними греческими и словенскими» образцами (Служебник, изд. 1655 г.).

Это и понятно, ведь творцов реформы на самом деле интересовало достижение единообразия именно с современным греческим образцом, поэтому древние греческие и славянские хартии (рукописи) их просто не интересовали.

Каково же положение сегодня? Как уже говорилось, сравнение современных богослужебных текстов с дореформенными позволяет сделать вывод, что новые тексты значительно уступают по доброкачественности старым. И это вывод не только автора настоящей статьи, проведшего самостоятельную работу по сравнению текстов, но и многих других исследователей. Еще в прошлом веке А. И. Новоструев дал подробную классификацию ошибок и неточностей реформированного текста: странные выражения — грецизмы, например, «сияние шума», «уразуметь отчесы», «видеть перстом» и т. п., сбивчивое употребление грамматических форм, смешение падежей, превращение сказуемого в подлежащее и т. п. Ученый приводит примеры тропарей канонов с весьма неясным смыслом, перечисляет «грехи не только против грамматики, филологии, логики, но и против истории, экзетиетики, догматики», указывая на массу ошибок в текстах, в том числе смешение имен собственных и нарицательных и наоборот, несоответствия библейским текстам и т. п. Приводит также многочисленные примеры неправильного перевода и неисправностей послереформенного текста проф. А. Д. Муретов. А известный филолог Н. И. Ильминский «на целом ряде примеров показывает превосходство в смысле точности во многих случаях старого перевода перед поновленным в XVII веке».

Причина такого явного ухудшения нового перевода проста. «Арсений Грек, как иностранец, не мог постичь все тонкости перевода на русский язык, поэтому его переводы нередко уступали старым переводам в ясности, точности, в уместности того или другого выражения, казались иногда двусмысленными и соблазнительными. Епифаний Славинецкий — крайний приверженец буквализма в переводе, он в жертву буквализму приносил ясность и понятность самой речи, сочинял собственные слова и их сочетания очень искусственные и маловыразительные, отчего его переводы всегда неуклюжи, нередко темны и малопонятны, так что смысл некоторых наших церковных песней и сейчас усвояется с трудом».

Порча русского языка началась именно в XVII в. в процессе «правки» книг. Приведем лишь некоторые примеры из «Псалтыри», обозначая старый текст буквой С, а новый буквой Н.

С: «закон положит ему на пути»; Н: «законо — положит ему на пути»;

С: «обновится яко орлу юность твоя»; Н: «обновится яко орля юность твоя»;

С: «помощник во благо время в печалех»; Н: «помощник во благовременниих в скорбех»;

С: «неправду возненавидех и омерзе ми»; Н: «неправду возненавидех и мерзих».

С: «ибо благословение даст закон даяй»; Н: «законополагаяй».

С: «избави мя... от рук сынов чужих»; Н: «из руки сынов чуждих».

С: «се пядию измерены положил еси дни моя»; Н: «се пяди положил еси дни моя», — смысл старого перевода вполне ясен (пядь — расстояние от конца большого пальца до конца мизинца) а нового — нет.

С: «повелением им же заповеда»; Н: «заповедал еси» — фонетическое ухудшение.

С: «яко услыша мя Боже»; Н: «яко услышал мя еси» — фонетический разрыв.

С: «вскую остави мя»; Н: «вскую оставил мя еси» — утяжеление конструкции фразы, противоестественное для славянского языка.

С: «и исцели мя»; Н: «и исцелил мя еси» — то же самое.

Конечно, можно много рассуждать о глагольных формах — «аористе», «плюсквамерфекте» и т. п., однако, как известно, теория суха, но зеленеет жизни древо.

Были допущены ошибки и посерьезнее. Старый текст молитвы из чина крещения: «Запрещает ти диаволе, Господь наш Исус Христос, пришедший в мир и вселивыися в человецех». Новый текст: «Запрещает тебе Господь, диаволе, прищедый в мир и вселивыйся в человецах». На кощунственную порчу текста неоднократно указывали старообрядцы, вопрос обсуждался более двух веков, и лишь в Требнике, изданном Московской Патриархией в 1979 г., окончательно вернулись к дониконовскому варианту.

Старый текст из чина крешения: «молимся тебе, Господи, ниже да снидет со крешающимися дух лукав».

Новый текст: «ниже да снидет с крещающимся, молимся тебе, дух лукавый». И в этой кощунственной порче сторонники старого обряда постоянно обличали новообрядцев, но последние вернулись к дониконовскому варианту также спустя столетия. Таким образом, эта ошибка работала на раскол: «духу лукавому молятся», — говорили старообрядцы.

Вряд ли столь серьезные ошибки в тексте основополагающего таинства были сделаны по причине недостаточного профессионализма правщиков. Сравнение старых и новых текстов приводит к мысли, что зачастую производилась тщательно замаскированная сознательная порча текстов по принципу «чем хуже — тем лучше». Добровольными сторонниками Никоновской реформы в то время стали на Руси все тайные враги православия, поскольку реформа давал возможность безнаказанно поглумиться над церковью. И глумились... Суриков хорошо это показал в своей картине «Боярыня Морозова».

Несомненно, были враги православия и среди правщиков, и недаром Арсений Грек, возглавлявший правку, после ухода со сцены своего покровителя Никона, снова был сослан на Соловки. Да и что можно было ожидать от правки, если ее возглавляли люди, подобные Арсению Греку? Удивительно близки к истинному положению дел слова протопопа Аввакума: «Как говорил Никон, так и сделал: «Печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому», — так-су и сделал».

Особенно много ошибок и неточностей в новоисправленных текстах ирмосов. Сравним тексты воскресного ирмоса 4-го гласа, песнь I:

С: «Моря Чермнаго пучину, немокрыми стопами, древле шествовал Израиль, крестообразно моисеовыма руками, амаликову силу победил есть».

Н: «Моря чермную пучину невлажными стопами древний пешешествовал Израиль, крестообразныма моисеовыма рукама амаликову силу в пустыни победил есть».

Сразу заметна ошибка, если сказать, к примеру, «моря каспийского пучину». Поэтому явная ошибка и в выражении «моря чермную пучину», поскольку «Чермное» (Красное) — собственное имя. В изобретенном правщиками слове «пешешествовать» допущена тавтология — шествуют всегда пешими.

«Крестообразныма моисеовыма руками» — грубая ошибка. Известно, что Моисей руками преобразовательно изобразил крест, но руки у него были нормальные, а не крестообразные, как уверяют правщики.

По вине правщиков ушло из церковнославянского языка колоритное слово «омразишася» (от корня «мерзость», «мразь»):

С: «растлеша и омразишася в беззакониях»; Н: «омрачишася».

Проведенное сравнение дореформенной и послереформенной Пластыри с привлечением греческого текста X в. также говорит не в пользу новоисправленного текста. К примеру, греческий эквивалент слову «омразишася» имеет корень именно «мерзость», а не «мрак».

Итак, далеко не за один «аз» восстали против реформы ревнители традиционного православия. В то время люди посещали церковь часто и многие тексты знали наизусть, можно представить их возмущение этим «исправлением» текстов: неудивительно, что возник раскол.

В период, последовавший после оставления Никоном патриаршего престола, русская церковь находилась в тяжелейшем состоянии. Как пишет Каптерев, «все в тогдашней нашей церковной жизни сверху донизу находилось в полном смятении и как бы разложении, ни в чем не было устойчивости, определенного порядка и прочности, все как бы шаталось, всюду рознь, раздоры, борьба... Казалось, что возвращение к дониконовским церковным порядкам было бы тогда самым подходящим выходом из запутанного положения церковных дел... Дело с реформою Никона, казалось, висело на волоске. Но после ухода Никона фактическим управителем русской церкви становится царь Алексей Михайлович, который всю свою энергию обращает на утверждение реформы, подчинив этому свою деятельность, служа реформе, часто наперекор здравому смыслу, принося ей в жертву и истину, и честь, и буквально все, когда реформа становится каким-то вседовлеющим культом его жизни, навязчивой идеей. И вполне обоснованно тот же Каптерев заключает, что «царю Алексею Михайловичу главным образом реформа обязана своим началом, своим проведением при Никоне и своим завершением после удаления Никона».

Призрак византийского престола витал над Россией и после смерти царя Алексея Михайловича вплоть до 1917 г. Наследники царя Алексея Михайловича уже прочно «зациклены» кругом вопросов «греческого проекта», передавая эту эстафету по наследству. Сама идея византийского престолонаследия постепенно получила весьма широкое распространение в русском обществе, и если раньше она инспирировалась извне, то в XIX в. уже многие русские мыслители отдают дань утопическому проекту создания «Великой Греко-Российской Восточной империи» с Константинополем в качестве главной столицы. Об этом пишут и Тютчев, и Достоевский, и И. Аксаков, и другие русские общественные деятели. Достоевский видит в этом «единственный выход наш в полноту истории», «рано ли, поздно ли, а Константинополь должен быть наш», — восклицает он.

Еще раньше Тютчев написал: «То, что обещано судьбами уже в колыбели было ей, что ей завещано веками и верой всех ее царей... венца и скипетра Византии вам не удастся нас лишить...».

Понятно, что в этой ситуации Никонова реформа по унификации русской и греческой церковной практики приобрела особое политическое значение; церковное единообразие с греками представлялось единым идеологическим фундаментом будущей великой империи. Следствием этого было дальнейшее укрепление реформы и ужесточение борьбы со старообрядчеством.

Понятно теперь, почему Никонова реформа при ее очевидной богословской несостоятельности была вне критики — это было политическое табу.

Жизнь развеяла ложные пророчества, как дым. Всем теперь ясно, что идея занятия константинопольского престола была наваждением, призраком. Исчезло и политическое табу на критику «никоно-алексеевской» реформы.

Собор 1971 г. отменил клятвы на старые обряды, но это не широкий жест или акт доброй воли по отношению к старообрядцам, это то, что по справедливости следовало сделать давно.

В соборном определении сказано: «Да приведет Господь расстоящаяся паки воедино...». В подтверждение этого призыва естественно ожидать будущих соборных постановлений, направленных на ликвидацию раскола, в чем первым шагом мог бы быть возврат к дореформенным текстам как более доброкачественным. Кроме того, духовное возрождение немыслимо без осознания прошлых ошибок и покаяния в содеянных неправдах.

Много русских православных людей было погублено за верность традиционному православию. Протопоп Аввакум, возглавивший сопротивление преступной реформе, ныне предстал перед нами великим русским человеком, национальным героем, мучеником.

Аввакум поражался неистовости репрессий, обрушенных на старообрядцев: «Огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? — не знаю. Волею Христос, а не приказал апостолам непокоряющихся огнем жечь и на виселицах вешать... И те учители явны шиши антихристовы, по вере своей и дела творят таковы же».

Борис КУТУЗОВ

«Нас привергали до невозносимости...»

Верующие и коммунисты - сколько уже о взаимоотношении их в России XX века написано, сколько еще будет написано! Какие страшные трагедии и преступления стали нам известны. Сельские храмы, бывшие в прошлом веке украшением каждого русского села, обезглавленные и изуродованные... Городские храмы, превращенные в общественные туалеты... Жесткий контроль за комсомольцами - не дай Бог крестить ребенка. И постоянная, навязшая в зубах, начинающаяся с детского сада и кончающаяся кладбищем, антирелигиозная агитация и пропаганда, пропаганда коммунистического и научного мировоззрения, единственно правильного и возможного для советского человека.

Но отбросим эмоции. Обратимся к фактам, опубликованным Комиссией при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий в сборнике «Кто в ответе за это» (М., 1996).

Факты, изложенные в этом сборнике, говорят, что гонения на религию и церковь начались с первых шагов Советской власти - с весны 1918г. Многие священнослужители, монахи и монахини были зверски замучены большевиками: их распинали на царских вратах, расстреливали в подвалах ЧК, топили в прорубях, подвергали зверским истязаниям. Только на 1918г. приходится 3000 расстрелов священнослужителей. В письме Ленина 1922г. по поводу изъятия церковных ценностей этот «самый человечный человек» пишет: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять - тем лучше».

«Раскулачивание» священников сопровождалось массовым закрытием церквей, арестами и ссылками».

Наибольшее число жертв среди духовенства пришлось на 1937г. Было репрессировано 136 900 представителей православного духовенства, из них расстреляно 85 300 человек. В 1938г., соответственно, - 28 300 и 21 500, в 1939г. - 1500 и 900, в 1940г. - 5100 и 1100. И, наконец, в 1941г. репрессировано 4000 и расстреляно 1900. В 1939г. Ем. Ярославский с удовлетворением писал, что «в стране с монастырями покончено».

Новая волна террора против духовенства приходится на начало избрания Н.Хрущева Первым секретарем ЦК КПСС. В своем Постановлении от 7 июля 1954г. ЦК КПСС призвал решительно бороться со всякими проявлениями религиозности.

К началу 60-х годов вновь появились заключенные из числа верующих и духовенства, арестованные за свои убеждения. Только по обвинению в тунеядстве за 1961-1963гг. был выслан в отдаленные области 351 священнослужитель. В целом в СССР за 1961-1965гг. по религиозным мотивам осуждено 1234 человека.

Новый генсек ЦК КПСС Ю.Андропов вновь ужесточил государственно-церковные отношения, призвав активизировать атеистическую работу. И только с началом перестройки политика государства по отношению к религии стала меняться кардинальным образом.

Все это было. Но как же мы забывчивы! Посмотрите по телевизору на демонстрацию анпиловцев - вот они взяли красное знамя (символ материалистического и научного мировоззрения), нацепили на него Спас нерукотворный и так идут... На митинге коммунистов в Нижнем Новгороде кричат о том, что Зюганов, будучи культурным человеком, придя к власти, церкви не позакрывает, что вы, это будет бескультурно, ведь это, оказывается, наши корни...

Коммунисты сейчас спекулируют всем, чем могут, и даже тем, чем не могут, не имеют права спекулировать. Не зря же дивеевская игуменья не пустила явившегося приобщиться к «корням» (не своим!) Зюганова и на порог. К мнению этой мудрой женщины стоит прислушаться.

Однако отношения между коммунистами и верующими в России в XX в. имеют еще один важный аспект, малоизвестный широкой публике, скрытый, потаенный, но, может быть, еще более кровавый, чем отношения коммунистов к господствующей православной церкви. Это расправа коммунистов над русскими старообрядцами.

Иначе, чем расправой и нельзя назвать то, что происходило на протяжении 70-ти лет Советской власти. Старообрядчество, могучая и сильная ветвь русской культуры, была подрублена под основание. Коммунисты зорко усмотрели важнейшую характеристику мировоззрения старообрядцев - умение быть не как все, умение отделить и противопоставить себя общему мнению, если оно, на их взгляд, неправильное, желание и стремление мыслить, осмыслять свое место в этом мире. «Главное для человека - воспрянуть умом,» - так говорит и доныне старообрядческий наставник в Володарском районе. И вытекающая из этой другая важнейшая характеристика старообрядцев - недоверчивое и критическое отношение ко всяческому «начальству». Это исконное качество, это идет от корней старой веры.

«Староверы! - вечно гонимые, вечно ссыльные, - вот кто на три столетия раньше разгадал суть Начальства!» - так очень точно пишет о них А.И.Солженицын («Архипелаг ГУЛАГ», «Новый мир», 1989, № 11, с. 153). Старообрядцы никогда не доверяли начальству - ни церковному, ни светскому. Господствующая церковь всегда у них была пристанищем сил Антихриста, молиться за царя их можно было заставить далеко не всех, да и то только из-под палки.

Старообрядцы подвергались гонениям в XXв. по всей России, но особенно жестокими преследования были в Сибири. Ниже помещена в сокращении «Повесть о Дубчесских скитах», написанная старообрядцем Афанасием Герасимовым и изданная известным сибирским ученым, исследователем старообрядчества Н.Н. Покровским («Новый мир», 1990, № 9).

Н.Н.Покровский так пишет об авторе «Повести...»:

«Афанасий Герасимов родился в 1916 году в алтайской крестьянской семье, которая с 1929 года вынуждена была несколько раз тайно переселяться, спасаясь от ужасов коллективизации, особенно кровавых в этом регионе. С 1947 года Афанасий Герасимов провел несколько лет в упомянутой скитской общине; в 1951-м он был захвачен вместе с другими монахами и крестьянами, но ему удался смелый побег. По нашей просьбе Афанасий Герасимов составил автобиографическую повесть об этих событиях. Сейчас он продолжает вести традиционную жизнь сибирского крестьянина, земледельца, промысловика...».

Афанасий Герасимов

Из «Повести о Дубчесских скитах»

В 1947 году я пожелал в Дупческий скит под управление отца Симеона, у меня врожденное было желание, чтоб сколь возможно больше прочитать книг церковного содержания. В свободные часы читал днями и вечерами; я всегда уходил последний с читального стола ...

В 1949 году самолет часто летал над скитом и бывало садился на озеро километров около 30, он завозил Новосибирскую экспедицию. В осеннее время двое к нам пришли, продневали и ушли ...

В этот год у нас в скиту иконы стали извещать, стали почикивать, пощелкивать. У старцев на сердце стало волнение, говорят, что-то иконы извещают. Сперва было реже, а потом чем далее, стало повторяться чаще, каждый день раз пять-шесть щолкнут иконы,. особенно древние. Таких извещений в благополучное время не бывает. А на что подумать, чего бояться, чего опасаться? Неизвестно. Бывает извещение к пожару и к переселению или еще к каким грустным случаям.

А из миру доносились разговоры, от ближайших жителей, говорят: начальство говорили, что надо проверить Дупчес, надо Дупчес просеять. И еще разные подобные намеки давали. Это было год, два и три, но все, казалось, проходило, но если чему быть, то близилось и наступило ...

Дня а два до погрома я стал вечернее правило молиться, и резко в уме вообразилось, что от меня Господь лице отвратил. Я залился слезами и пошол к старцу Иосифу, объяснил ему подробно, и он сколь смог поутешал меня, говоря: Это все бесишко шутит, надо стоять и противиться ему, а Господь от любова грешника не отвращается. Я ушол в свою келью и стал продолжать свое моление, во уме немножко облегчело, моление окончил, и больше не случалось такого впечатления.

На третий день после Благовещения Пресвятые Богородицы, 28 марта, часа в 4 дня я вышел из келии на улицу. Послышался крик, я глянул вправо и вижу толпу бежащих людей, похожее на татарский набег, с оружием в руках и с криком, друг друга переганяют, один другова подгоняют и от радости вскрикивают. У меня мгновенно мысли блеснули, что это солдатский отряд, идут на расхищение скита. Я вернулся обратно шагов 7, зашол в моленну, а там сидели трое: отец Антоний и еще двое, я, сдерживая себя от паники, как на лице, так и на словах, говорю им спокойно: Старцы, не пугайтеся, что я хочу сказать вам? Они глянули на меня и говорят: А что такое? Я говорю: Властели бегут сюда. Они спросили, далеко, нет? Я говорю: С галеи выбегают на гриву. Это было метров 400. А сам я пошол в келарню, только через сени, и сял возле стола. И трое старцы, схватив шубы, кинулись за мной. Из келарни был ход в кладову, а оттуда ход в картовну яму, и еще была лазея в другую картовну яму, и трое старцы улезли туда. Я смотрю, мимо окон замелькали бежащие люди, и потом открылась дверь и показалась стволина винтовки, а за ней голова Бакулина, ярцевскаго миллиционера. Я был первый от двери, подскочил он ко мне, говорит: Сколько вас здесь? Я кивнул головой на стариков и говорю: А вот все здесь. Со мной еще сидели два старика, Иларион и Иларий. Я не хотел выдавать точный сщот, потому что старцы спрятались. Бакулин хлестанул меня кожанной рукавицей по лицу и говорит: искать их надо, они распрятались. Я думаю, вот мне первое поздравление.

И пошли лазить по всем канурам; кого захватят, гонют к нам в келарню. Когда все пролазили и больше нет людей, пересчитали нас несколько раз, не хватает троих до сщоту, все же кто-то точный сщот сказал. Забегали раз и два в кладову и в погреб, но лазею не замечали, потому что там темновато, а они ходили с жучками, жижикали, а потом зажгли свечи и опять пошли. Стало нам слышно, как подземный крик: Вылазь! Вот вывели и тех троих. Все сидим, в уме молитву творим. Дед Иларий кадушечку делал, говорит ему солдат: Брось, деда, делать, все одно все сгорит. Деда говорит: А чо, зжигать что ли будут? Ответил солдат: Конешно. Из моленной иконы, книги и всю святыню вынесли, в сени кучей свалили, натаскали сена, соломы вместо постели и расположились начевать и проживать. И стала мерзость запустения на месте святе.

К келарне был пристроен трехстен, даже больше келарни, из него были двери в на улицу и в келарню. Нас всех согнали в него, 13 человек наших и 7 человек, захваченных с ближайших хуторов. В келарню двери забили досками, а к улешним поставили караул день и нощь. Имена и фамилии всех переписали, и нужных им людей не оказалось, им нужно было отца Симеона, отца Антония и Александра. Отец Симеон и Александр здесь не попали, они были в другом скиту, а отец Антоний сказался Афанасием, тем именем, которое было до накрытия.

После этого начались допросы, говорят: Где у вас эти три человека, ищо у вас есть где-то скит? Допрашивал Костя Сафронов, начальник отряда, во отдельной келье. Сперва вызвал Харина Онисима, точно не помню, сколько ударов он принял, но он выстоял, не сказал. После него вызвали меня. Я вошол, смотрю - Сафронов сидит за столом, в руках крутит пистолет, протирая его платочком. Этим он давал мне знак почувствовать страх, а я смотрел на пистолет, как на хлебальную ложку.

Начальник первый задал вопрос: Вот вы здесь живете, работаете на них на старших, сколько они плотят вам за месяц? Я отвечаю: Нисколь нам не платят, и ни в чем мы не нуждаемся, нас кормят, одевают, а на работу они сами передом идут, а мы только позади. Он говорит: Что вас понудило сюда придти? Я говорю: Просто свое откровенное сердечное желание. Он говорит: Да, удивительно, работаете, валохаете на них - и бесплатно. Я говорю: Мы живем не для наживы, не для сей жизни, а для будущей, поскольку человек двусложный. Он подхватил и говорит: От души и тела. Говорю: Да. Он говорит: Вот тебе статья гласит 15 лет тюремнаго заключения; если расскажешь всю правду, что я буду спрашивать, тогда отпустим тебя на свободу. Скажи, где у вас еще скит, в котором живут отец Симеон, отец Антоний и Александр? Я, не желая быть предателем, говорю: Нет у нас другова скита, а эти старики уже покойные второй год. Он говорит: Врешь, гляди мне в глаза, говори правду, где ваши главари. Я немного поглядел ему в глаза и опять свел, говорю: Раз сказал, я могу повторить только это же. Он крикнул: Гляди в глаза! Я говорю: Четыре года учился, чтобы бездстыдно не смотреть человеку в глаза, а ты одночасно хотишь научить, чтоб смотрел бездстыдно тебе в глаза. Он крикнул: Снимай рубашку! Я снял. Говорит: Говори правду! Я молчал. Он взял метровый бадог, уже приготовлен был заранее, говорит: Нагнись! Я нагнулся. Он ударил раза три. Разогнись! Я разогнулся. Говорит: Будешь говорить правду или нет? Я промолчал. Говорит: Нагнись! Я опять нагнулся. И еще удара три добавил, хорошо было чувствительно, но не до крови. Я только думал: А как же мученики раньше терпели, их били до крови. И опять говорит: Разогнись! Я разогнулся.

Он увидел - ремень висит на стене, и говорит: Возьми в руки ремень, продень конец в пряжку. Я продел, и получилась петля. Он говорит: Одень петлю на шею! Я тут сглуповал, взял сам одел. Он взял за конец, подвел меня к стене, а вверху была толстая деревянная спица. Он перекинул конец и стал меня подвешивать, дыхание стало спирать. Я вздымаюсь на дыбы, и он тоже подтегает покрепче. Когда дыхание стало останавливаться, тогда он отслабил и говорит: А что же ты давишься? Я ответил: Я ведь не сам давлюсь; сколько раньше римские мучители наших християн перевешали и перерубили! Он снял петлю с шеи и хлестанул меня ремнем и говорит: Ищо что знаешь? И сказал: Одевайсь! Я оделся, и он проводил меня глазами до места ...

Начальство похвастали: Мы имеем право двух-трех расстрелять из вас. Отец Антоний им ответил: Нас это не устраивает, двух-трех, нам хочется, чтоб вы всех нас постреляли здесь. Вам же будет лучше, без канители, патронов наверно у вас для нас хватит. Они говорят: Нет, отец, нам нельзя этого делать. Говорит отец: Если вы нас считаете какими-то преступниками и если говорите, есть у вас право расстреливать, то уложьте нас всех здесь, нам не хочется покидать пустыню. Они говорят: Мы уже раз сказали, что нам этого делать нельзя, это просто так у нас сказалось, будьте спокойны.

Сколько было в скиту овец, баранов для шерсти, все начальство поели, а также было христорадное масло скоромное, тоже все поели, а у нас тогда был пост великий. Остались только крупный скот.

Престарелых старичков угнали вперед. Я не был в этой путевке, как они бедны восьмидесятилетние прошли этот волок 40 кил. до женского скита на Тогульчес, мне неизвестно. А там заперли их в тесный курятник.

Там был старший лейтенант Соколов, лукавый, издевательный. Он начал стариков молотить. Перваго взял деда Илария, пытал, говорил: Говори, где еще у вас есть мужеский скит? Он укрепился, не выдал. Соколов бил его пал-

(Продолжение на 6-- й стр.)

Боярыня Морозова и княгиня Урусова — старообрядки. Они приняли все мучительства за одно то, что крестились тем двуперстием, каким крестились до них Филипп Московский и преподобный Корнилий, игумен Печерский, Сергий Радонежский и все святители московские. Во времена Никона и Сергий Радонежский, и весь сонм святых, до Никона в Русской земле просиявших, тоже оказались вдруг «раскольниками».

Надо понять, что, живи во времена Никона Сергий Радонежский, он, может быть, еще грознее, чем протопоп Аввакум, восстал бы против правки вековой русской молитвы, векового подвига Руси во Христе, и правки — кем? — такими непрочными греками, невеждами и торгашами, как Лигард или Лихуды.

Надо понять, что не за пресловутую «букву» поднялись стояльцы «двоеперстия», а за самый Дух Святой Руси. Они поняли, что с «новинами» Никона искажается призвание Руси, почуяли ужасающий разрыв единой народной души, единой мысли народной, падение и гибель русской земли.

Все это надо понять, чтобы осмелиться коснуться самого прекрасного, самого вдохновенного русского образа — образа московской боярыни Федосьи Морозовой.

Боярыня Морозова

Ночью 14 ноября 1671 года в дом Морозовой пришел Чудовский архимандрит (впоследствии — патриарх) Иоаким со своими приближенными. В ответ на его увещевания Морозова, уже принявшая иноческий чин и ставшая старицей Феодорой, показала двуперстное знамение и просто сказала: «Сице аз верую». Видя упорство Феодоры, Иоаким приказал посадить ее и ее сестру княгиню Урусову под арест и наложить на них кандалы. Вскоре Морозову перевезли в цепях в Печерский монастырь.

Несмотря на строгую стражу, даже в тюрьме монастыря Морозова продолжала поддерживать сообщение с внешним миром. Благодаря помощи старообрядцев Морозова успела даже причаститься у верного старой вере иеромонаха Иова, впоследствии видного старообрядческого деятеля на Дону.

Из своей далекой темницы в Пустоозерске протопоп Аввакум писал послания и духовно поддерживал мученицу:

«Помози нам, Боже, Спасителю наш! Свет моя, еще ли ты дышишь? Друг мой сердечный, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя?

Чадо церковное, чадо мое драгое, Федосья Прокопьевна! Повещай мне, старцу грешну, един глагол: жива ли ты?».

После пыток на дыбе и битья плетьми Морозову, Урусову и их подругу Марью Данилову осенью 1674 года перевезли в особенно строгую тюрьму в Рождественский монастырь, в Боровск. Вслед за ними в Боровск патриарх Иоаким прислал дьяка Кузьмищева, который приказал отобрать у узниц все их имущество, включая иконы и молитвенники. Затем он распорядился сжечь четвертую, тоже там находившуюся старообрядческую узницу Устинию, а саму Морозову и Урусову приказал заморить голодом.

Лествицы и четки от сестер отобрали. Тогда они навязали по пятьдесят узелков из тряпиц и по тем узлам попеременно свершали изустные молитвы. Во тьму им подавали только сухари ржаные и воду.

* * *

Черный плат и лицо
Как икона
В старинном окладе;
Не печалься, что снова
Зимы белизна;
Отразится твой дух
В негасимой, народной
Лампаде
И воспрянет больная страна.
Лошаденка понурая
Вытянет
Розвальни к свету,
Зарыдает стрелец
Свой бердыш изломав,
Ничего, что зима,
А за нею
Боровское лето...
И опять листопад,
И зима.
Ты оставишь цветы
В своей сумрачной,
Горестной яме,
Пролетят журавли
Сквозь холодную, звонкую
Тишь,
Разомкнется конвой,
И на волю
Взлетев с журавлями
Ты в блаженную даль
полетишь.
Ты оставишь земле
Опустевшую, стылую
Чашу
Своей боли,
Испитой до дна.
И сердца у людей
Заколотятся чище и чаще,
Пробудившись в Христе
Ото сна.
Переулки Москвы
Захлебнулись насмешкой
и криком.
Разделила сознание грань;
Поднимись, озари
Эту мертвенность
Солнечным ликом,
Над толпой, над Вселенной
Восстань.
Пусть смеются купцы -
Неужели они тебе ровня?
Государь окаянный
Тебе ли чета?
Русь мальчишкой бежит
Догоняет летящие дровни,
Только Русь
Будет вечно тебя почитать,
Она выбьет у них
Из десницы железную палицу
(Не доступна врагам
Твоя цель).
Ничего, что зима
Обжигает двуперстие
в пальцах,
А на белых руках
Не браслеты, а цепь.
В твоей горнице свет
И дыхание майского луга,
А за окнами ветр и хруст...
Ничего, что зима
Еретической бесится вьюгой, -
Ты опять помолись,
Помолись за заблудшую Русь.

Виталий ГРИХАНОВ

Княгиня Урусова, такая еще молодая, первая ослабела от тьмы и великого голода, не могла ни цепи поднять, ни стула сдвинуть, прикованная. Она молилась, распростершись на земле, иногда сидя, подкорчившись у груды своих цепей. Ночью (по голосам стрелецкой стражи можно было понять, что стоит глубокая ночь) Евдокия подозвала сестру.

Та подползла к ней, тихо гремя цепью. «Отпой мне отходную, — сказала Евдокия. — Что ты знаешь, то и говори, а что я припомню, то сама проговорю».

И сестры во тьме стали петь отходную, одна над другою. Мученица отпевала мученицу. Они как будто пели отходную всей Московии.

Евдокия скончалась. Сестра поискала рукою в темноте, коснулась ее истончавшего лица и закрыла ей веки.

Морозова изнемогала.

Однажды на рассвете она поднялась и, волоча цепь, подошла к темничным дверям. Боярыня подозвала сторожевого стрельца.

— Умилосердись, раб Христов, — тихо сказала боярыня. — Очень изнемогла я от голода и хочу есть, помилуй мя, дай мне калачика.

— Боюсь, госпожа.

- Ну, хлебца.

— Не смею.

— Ну, мало сухариков.

— Не смею.

Пожилой черноволосый стрелец утирал рукавом кафтана лицо: бежали непрошенные слезы.

— Добро, чадо, — сказала грустно и ласково боярыня. — Благословен Бог наш, изволивый тако... Если не можно тебе это, то, прошу тебя... Вот хочет Господь взять меня от этой жизни, не подобает, чтобы тело в нечистой одежде легло в недрах земли. Вымой мне сорочку.

Стрелец огляделся, скрыл малое платно боярыни под красным кафтаном. Отнес он на реку его, омыл там водой, а сам плакал.

Боярыня Морозова скончалась в темнице, в цепях, в студеную ноябрьскую ночь 1675 года.

В ночь кончины подруженьке ее, инокине Меланье, было видение: стоит Федосья зело чудна, юная, сияют ее светлые волосы и синие ее очи, стоит она, облаченная в схимну и куколь, страдалица за Святую Русь, светла, радостно дивясь небесной красе риз своих...

По рассказу И. ЛУКАША

Гонения на старую веру

При самом появлении раскола в русском православии власть захотела покончить с теми из православных, кто остался верен старым традициям, применив самые крутые и суровые меры. И вот кровь полилась рекой. Все первые вожди старообрядчества умерли на плахе, сгорели в срубах, исчахли в заточениях. Беспощадные пытки, бесчисленные мучительные казни следуют длинным, непрерывным рядом. Староверов ссылали, бросали в тюрьмы, казематы, пытали и жгли огнем, рубили головы, вешали. Словом все, что только могло изобрести человеческое зверство для устрашения и террора — все было пущено в ход.

Прошло двести лет... Минула мрачная эпоха физического истребления староверов при Софье, Петре I и его преемниках, окончились десятилетия николаевских репрессий. Казалось бы, настали времена «просвещенного» правления Александра III. Но, увы, старообрядцам и в эти годы не давали покоя.

Постановление Святейшего Синода гласило: «Рукописные книги и тетради духовного содержания, а равно и кадила, лампады, большие подсвечники, купели и подобные сим вещи, должны быть отбираемы из частных домов все без исключения. Что же касается до раскольничьих часовен и моленных, то при обыске их не только иконы и книги, но и все богослужебные принадлежности должны быть отбираемы... Те из икон, картин, книг и рукописей, которые окажутся явно противными духу учения православной церкви (то есть «никонианской». — Ред.) подвергать уничтожению».

Справка

об отобранных у старообрядцев церковной утвари, богослужебных книгах и прочих церковных принадлежностях.

Здесь приведен длинный перечень хищений «на законном основании», относящийся только к одному согласию старообрядцев — преемлющих Белокриницкую иерархию в период 80—90-х годов прошлого века. Да и он далеко не полон, будучи основан на случайных донесениях и частной переписке. Редакция публикует выдержки из справки.

37. Нижегородская губерния и уезд, Толмачевская волость. В деревне Цедни в 1886 году была запечатана старообрядческая моленная, отобраны: иконы, книги и вся церковная утварь. Все отобранное отправлено в Нижегородскую духовную консисторию.

48. Нижегородская губерния и уезд, в селе Таможникове в 1891 году 24 января из старообрядческого храма была отобрана вся церковная утварь, которая по постановлению духовной консистории была роздана по единоверческим церквям, а владелец храма Щитов был приговорен к трехлетнему заключению.

49. Нижегородская губерния, в г. Горбатове в 1893 году 30 октября отобраны из старообрядческого храма иконы, крест, сосуды, священническое облачение, подсвечники и даже свечи.

61. 14 февраля 1896 года в дер. Кондратьево становой забрал в старообрядческой моленной все церковные вещи и увез их с собой.

В других губерниях.

52. В Донской области Пятиизбянной станицы, в 1893 году в феврале месяце, в 10 часов ночи, священник господствующей церкви с полицией явился в старообрядческий скит и захватил все, что нашел в ските: алтарь, антимис, 12 миней, 2 триоди, 2 октая, 4 пролога, шестоднев, устав большой, Евангелие, Апостол, ирмосы и прочие книги.

58. 11 февраля 1894 года миссионер Исидор Колоколов, прибыл с полсотнею казаков в старообрядческий скит (близ станицы Кавказской Кубанской области) и, самовольно окропив его водою, объявил скит отобранным от старообрядцев вместе со всем его имуществом. Живущих в этом ските иноков, не изъявивших желание изменить старообрядчеству, выгнал из келий. А в 1896 году он вырыл из могил тела епископа Иова и священника Григория и сжег их на их же гробах.

62. В 1898 году в Иркутске местными чинами полиции захвачен в доме Зверева путевой алтарь. При этом был арестован и посажен в тюрьму старообрядческий епископ Мефодий. Он погиб бесследно.

69. 5 января 1897 года в Уфимской губернии, в Кусинске, полиция, войдя в старообрядческий моленный дом и остановив всенощное богослужение, приказала священнику разоблачиться. Его арестовали и отправили в арестантскую. Арестовали и церковное имущество, Евангелие, богослужебные книги, а моленную запечатали.

«Нас привергали до невозносимости...»

(Окончание. Начала на 4-й стр.)

кой. Дед ревел, но терпением одолел. Отпустил его и взял вообче,хриплого старика Германа, крикнул: Говори, где еще у вас есть мужской скит? Старик зачастил: Я не чо не знаю, я не чо не знаю. Соколов ударил его раз или два палкой, старик почувствовал боль и признался, что еще есть скит в кил. 12 от этого, в котором жили. Соколов спросил: А кто туда знает дорогу? Дед сказал: Отец Никита и Онисим оттуда пришли.

Соколов все это записал и отправил нарочного солдата. Мы смотрим, мчится солдат употевший, зашол к начальству. И вот из нашего стана вызывают отца Никиту в отряд. Для большаго ужасу, обступили его с палками, а его посадили на стул, они ему показались страшнее медведя: с ярыми глазами, с оскаленными зубами, кричали: Собирайсь, веди нас во второй мужской скит 12 километров! Тоже раза два или три ударили, он говорит: Мне дорогу не найти.

А потом вызвали Онисима, он уже не стал сопротивляться и доводить до побоев, согласился вести. Пришол в стан, обулся и оделся - и отправились.

Пришли туда вечером, забрали всех, но их было всего только пятеро ...

Кельи, книги, иконы - все сожгли наотло. Сожигатели ужахнулись и удивились такой массе книг, но по своему озверению ничему цены не предали. Не исчислить, каких только рукописей не было. Но для свиньи и барана это все не ценно, да если и люди подобны им.

Самих старцов пригнали в наш стан. Дня два-три приотдохнули, начальство объявили выход. Приказали сена больше натаскать на поле подальше от пригонов и от стройки, также и одежду, у сена оставили двух быков, в то время был снег еще глубокий, и их было еще не вывести. А нас выстроили в поход, молодых запрягли в нарты, везли кое-что, а старые так брели, но все были на лыжах.

Кил. 2 отошли, оглянулись - о ужас! Весь скит взялся огнем, дым и пламя летит в облака! Как было сердцу тяжело, и даже слюна не глоталась. Отошли подальше, и все зрелище скрылось за лесом, а поджигатели догнали нас.

Кил. 15 отошли, захотели обедать. Развели костер. сварили обед. Также и отряд метров за 7 свой развели костер, сидели кучей, не моргая смотрели на нас. Старцы стали молиться за обед, по обычаю, чинно, все дружно крестятся и все дружно низко кланяются. Начальник полка Софронов не вытерпел, как беснующий закричал: «Не молись арганизовано». Но старцы не обращали внимания на вражий крик: говорили, это не Софронов кричит, а бес в нем. А только думали, что всегда так нужно молиться, чтоб всегда было бесу тошно.

Пообедали и пошли дальше, к вечеру мы пришли в женский скит, и нас к битым старикам загнали в курятник. Лечь было негде, спали сиже, а потом перегнали половину в другую келейку, тогда стало посвободнее.

Так казалось, что вроде все умялось, но кто-то проболтался, что еще есть женский скит из восми человек. И опять палачь Софронов набрал солдат и нас 8 человек запрег в нарты и пошли. Примерно было сказано место и направление, но точность была неизвестна им, с половины пути опять начались пытки. Софронов напал на Ивана Горбунова, говорит: Поведешь - нет? Он говорит: Убивай - не поведу. Софронов выломил толстый прут и весь изхлестал об Иванову голову и нос до крови разбил. Иванов брат Павел, тронутый жалостию за брата, встал с нарты и кинулся к брату, говорит Софронову: Если ужь тебе хочется бить, дак бей всех! Софронов обвернулся, крикнул: Не волноваться, сядь на место.

И опять шли дальше. Снова приустали и опять все сяли кучей отдохнуть, солдаты созади подальше сидели. Один старец говорит тихим голосом: А что, братцы, сможемся - нет устоять, чтоб не вести к старушкам отряд? А не заметил, что тут же рядом сидел один солдат. Павел видит, что дело опасное, и говорит: А меня хоть убей еслии я не знаю пути. Солдат поднялся и ушол к своей дружине и передал все в точности, как слышал, и показал на того старца. Софронов скомандовал в поход, мы все поднялись и пошли, а того старца Софронов задержал, а я этого не заметил. Мы пришли на попелище и все сяли. Это был скит матери Валентины, самих их угнали на Тогульчес во едино место, а их кельи все пожгли, недели за две ранее.

Я глянул на гору, откуда шли, и ужахнулся: смотрю, человек совсем голый, только в однех кальцонах, голова раскосмачена, тянет нарту, а на нарте сидит Софронов с длинным прутом и хлещет старца по спине. Старец вывез его на гору и потом к нам пошли уже под гору. Я от такого зрелища не могу спохватиться, говорю: А кто это? Братия ответили: Это отец Ефрем. У старца лицо уплаконое, а солдаты глядят и посмеиваются. Немного не доходя до нас, Софронов остановил старца, велел ему одеться; одежда была на нарте у Софронова под задом. И потом Софронов подошол к солдатам, приказал одному, говорит: Иди, возьми у них крушку и насыпь ихней соли и налей воды и напой его - головой мотнул в сторону старца. Солдат выполнил приказ. Я со стороны смотрел, и то меня трясло, как это глотать голимую соль, одна треть в крушке было соли. Но потом старец много пил сырой воды; видимо, нутро горело.

Потом вызвал другова старца, Макария, над ним издевался. Разговор было не слышно, отряд от нас сидел метров 30, а только я видел, что крест с него сорвал и несколько раз бадогом ударил.

Здесь я видел на широком пне лежали стекла и горлышки с деревянными пропками, это солдаты расстреляли графины со святой водой. Софронову было сказано, кто-то дал уже намек примерный, направление и растояние, и он скомандовал в поход. Отошли километра 4 и остановились ночевать. Мы свой развели костер, и солдаты развели отдельно. Софронов вызвал Горбунова Ивана, которова утром до крови избил, и говорит ему: Ты поведешь - нет нас в скит матери Тавифы? Иван ответил ему: Хоть убей, не поведу. Софронов поставил нарту и запрег в нее старца Макария, с Ивана снял верхнюю одежду, положил в нарту и взял длинный шнур, привязал к нарте, а другой конец привязал Ивану за тайные уды. Сам сял в нарту и крикнул: Ну, пошол! Старец потянул нарту, а Иван ни с места. Когда шнур натянулся,

Иван упал в снег и затормозил, старец подергал нарту, а она зацепила как будто за пень. А солдаты гледят и скалят зубы. Софронову просто хотелось для потехи кино показать: он думал, что Иван вынужден болью, будет ходить за нартой, и хотел вокруг ночлега покататься, чтобы надцадить солдат смехом, но не получилось. Сошол с нарты, раздраженный неудачей, выломил березовы прутья, шнур отвязал от тайнаго места, и хлестал Ивана лежачаго, пока сам не устал, а потом втоптал в снег. А потом нашим братиям сказал: Оболоките его! Они его оболокли и подтащили к костру. Он, мученик, долго тресся у костра, не мог согреться...

Ночь была теплая, ночевали хорошо. На другой день Софронов взял двух солдат и нас троих, двух старцов и меня, сделали один заход, окружнулись - не натакались на скит. Вернулись на стан, отдохнули и опять пошли левее, и сколько старцы не криуляли, а наконец подошли к огороду скита. Софронов был обрадован находкой, обоим старцам руки пожал за предательство, а они обои заплакали, говорят: Мы теперь виновники ихнему бедствию. А он говорит: Ничего, не переживайте, мы подойдем спокойно.

И вот подошли к келье и зашли. Старицы немного орабели, а потом увидели с ними и нас, сильно не стали волноваться. Софронов спросил: Сколько вас сдесь? Они говорят: Шестеро. А с полкилометра еще жило две, мы старались их спасти, но не получилось, они вечером сами пришли и в руки попали. Забрали их, а келью и все достояние их сожгли.

Продневали тут и направились в поход. Одна старушка была старая, не могла идьти, ее на нартах везли. Оставшее все сожгли. Мы книг десяток спрятали в снег. Софронов заметил, что книг было больше, говорит: Куда же книги делись? А мы промолчали. И так отправились в поход.

Я был в нарте впряжон так же, как и прочие. Онисим был вожаком впереди; держали направление на сожженый скит мужской, там дожидали нас два оставленые быка, да мы еще вели две коровы с женского скита ...

Дорогой вылетела копалуха, сяла на дерево, Марков выстрелил пять раз из винтовки и не попал, улетела.

Время близилось к вечеру, подошли к галее (открытое болото), она вся взелась водой, а за ней грива и мужской скит. Воды было сантиметров 15, на растоянии 600 метров, брели на лыжах, у всех обувь промокла. Вышли на гриву, разложили костры, все просушили и ночевали.

Утром пошли на старческое попелище видаться с быками, нас трое и солдат Савостин, от ночлега было километр. Вещи раскидали, сено и солому зажгли, а быков на поводу повели к ночлегу, и опять выстроились в поход, скота гнали взади. Речки были полные, скота плавили, а нарты перетаскивали. Прошли день, наступил вечер, перешли широкий водяной лог, вышли на гриву, остановились ночевать. Утром разсветало, это уже был Христов день, 16 апреля, праздник радостный, но у всех на сердце была скорбь, чувствовали себя в неволе, под охраной с винтовками и автоматами.

После полдня мы пришли на Тогульчес в главный скит. Здесь начальство приказало делать плоты. Наших тружеников выгнали на Пасхе валить сушник и возить на быках к реке. Наплотили плотов, дождали подъема высокой воды, стали грузиться на плоты.

У стариц были старинные шерстяные ткани для праздничных чинов и старинные дорогие полушалки. Это все ушло в солдатские рукзаки. Из скитского материя нашили широченных штанов и ходили хлупали в них, как мохноногие петухи. В опчем, над ними не было кантроля, кто сколь мог, наталкивали в свои кули, что нравилось, у всех была одна мысль, что все одно же сгорит.

Изгнанником скитяном объявили - много не брать, на себя одеть новую одежду, и еще в запас две сменных одежды. Каждая из стариц ложила в свою котомку какую-нибудь книжицу, акафист или канонничек, или ищо что-то малое для утешения, также каждая ложила малую икону с собой. Начальство приказали котомки носить на берег, но на плоты не грузиться. Когда старицы вышли с котомками на берег, тогда Софронов подошол с солдатами, перетрес все старческие котомки, иконы и книжицы швырял в воду, лестовицы стариц рвал. Я сам видел: у старицы Ермионии он выдернул лестовицу, приступил ногой и растянул, бросил. Как только у стариц стерпело сердце и не залилось кровью, во всех грудях дыхалось тяжело.

По виду они похожи на людей, но по нравственности были как настоящия дьявола, страшно святыню ненавидели.

Здесь изгнанников и солдатов разделили на две партии. Которые способные в поход человек 30, были отправлены напрямую на Дупчес, и скота увели туда же: там тоже были настроены большие плоты. Дорогой у них скрылись два человека, растояние было 15 километров. Они длинной цепью пошли на гору, а мы, оставаясь на месте, провожали их только умиленными глазами, чувствовалось, что их больше не видеть никогда. Также все кельи, все старческие труды охватило пламя, а нам объявили посадку на тогульческие плоты.

На самый первый плот посадили отца Симеона, отца Антония и Лаптева Кирила, с ними сял начальник капитан Щербин, повешали большое колоколо. Мы плыли двое на плоту с солдатом Казаковым. Он меня звал все «дражайший друг Афанасий». Я в то время был еще молодой, шустрый, в делах сообразительный. А всеже меня ожидало заключение на 15 лет.

Проплыли километров 30, пристали к берегу, кидали мне причалы, я подтягал плоты и привязывал. Только и слышалось: Афанасий, лови, Афанасий, тяни, а я успевал, управлялся с командой.

И вот радист оплошал. Плот еще не примкнул к берегу, а он поспешил выскочить на берег и просчитался, оборвался в воду. Я ево схватил за руку и выдернул, как кота, даже и тяжести не почувствовал. А с него вода бежала, как с коня, вылезшаго из воды. Весь народ обратили взор и внимание на него. Кто хохотал, кто ахал, а кто шутейные слова говорил. А для меня это благословенный случай. Чистый берег был неширок, примерно метров 6-7. Я зашол за первые елки, а тут и лес стоял стеной,

это все помогало мояму риску. Берег к соныцу, снегу не было, в лесу метров 6-7 была грядка снегу, а далее косогор весь был голый, покрытый лесом, и он меня взял в свои объятия. Чрез мало минут я был на верху горы с километр, только тогда похватился отряд, что Афанасий исчез: ухали, кричали во весь дух: Афанасий! Афанасий! А до меня только чуть доносилось, как волчий вой. Тогда только я свободно вздохнул и сказал: Слава Богу, отстали от меня все сквернословные дикобразы.

Дале я уже не видел, что творилось, а только пользовался слухом. Эти плоты, с которых я ушол, чрез 10 километров вышли в большую реку Дупчес, там причалили к берегу, ждали другие большия плоты, которые должны были спускаться с верхов Дупчеса. Тут одна больная старица скончалась, тут ее и похоронили на берегу. Я позднее видел, что стоял колышек.

Та партия, которая отделилась от нас еще на месте, они пошли напрямую чрез хребет на Дупчес, со скотом, с нартами, некоторые с котомочками, все на лыжах. Местом снег, а местом голая земля, местность старая гарь, 4 километра, да попелища матери Флены. Тут скрылися двое, муж Дементиян и девушка Ирина. К вечеру партия вышли на Дупчес. Там опять двое старец и старица Александра скрылись. Старица Ермиония тоже пошла, но ее заметили и воротили.

Семью Лаптева Кирила сгрузили на плот с багажом и со скотом, а сам он был на тогульческих плотах, его строго стерегли. А домашность ихнюю всю зажгли. Вечером отчалили, всю ночь плыли; помнится, одиннадцать плотов у них было.

На одном плоту утром на солнце пригреве стража крепко уснула, а рулевым был Ерон Алексеичь, муж разумен, а на заднем руле мать Паольга. Ерон Алексеичь подрулил, плот пошол подле берег, он взял только один топор и убежал на берег. Мать Паольга видит, что ей грозит опасность, будут пытать и ругать, зачем не кричала и не разбудила сторожей, она избрала лучшее, сама убежала на берег. Мать Ермиония забрала свою котомку, завалила на спину, тоже ушла на берег. Доминика Савишна (позднее мать Досифея) не спала, разбудила спящева Ивана Мущинкина, шьшепчет ему: Что будем делать? У нас рулевые-то убежали. Он поднял голову, посмотрел - правда, нет никого; встал, натянул фуфайку на плечи и ушол на берег.

Плот шол без управления; было, что ткнется в берег и солдаты всколыхнутся, но были непросыпны. А когда оне проснулись, плот уже шол серединой, им померещило, что люди в воде перетонули. Один даже крикнул: «вот бляди, в воде перетонули».

О других оне меньше задумывались, но за Ерона Алексеича оне болели, он им был дорог. К его дому подплыли, семья из дому убежали в лес, их уже не искали, а домашность всю сожгли. Лаптевы девушка Ксенья и мальчик убежали, скрылись.

Когда плоты соединились дупческие и тогульческие, тогда всех старцев связали одной бичовкой руки назадь и к плоту привязали ...

Начальник Щербин говорит отцу Симеону: Вот вы живете здесь в лесу, а чем вы занимаетесь? Отец ответил: Молимся и книги читаем. Говорит начальник: Но если книги читаете, то что толку из этого? Что вы знаете? Говорит отец: Это вам так кажется, что в наших книгах толку нет, мы читаем и знаем, что происходит в мире. Говорит начальник: Но а что по-вашему происходит в мире? Говорит отец. Мы пророчество сличаем с событием времени и видим, что мир объединяется и в дальнейшем должно быть одно государство во всем мире. Начальник с веселым взглядом сказал: Да, справедливо, отец, комунистическая партия к этому ведет. Говорит отец: Тогда будет один управитель во всем мире. Начальник радушно ответил: Да, весь советский народ борется за это. Говорит отец: Но управитель тот будет Антихрист. Начальник лицо изменил и хмуро возразил: Нет, наоборот, будет хороший человек ...

И так плоты плыли далее, вышли в Енисей, пристали в Ворогово. Тут была сортировка: восем старцев и 5 бельцов взяли под стражу, и еще с ними троих семейных: Лаптева Кирила и двух братьев Кропочевых Хрисанфа и Антипа, всего 16 человек. Из женщин 12 стариц и двух дев также взяли под стражу. Шесть стариц и девять дев отпустили на свободу, вернее сдали в колхоз. Скота сдали в Вороговский колхоз. Но к большему удивлению, скитский скот не соединился с колхозным скотом, ходил отдельно, стал худеть и тощать и потом, говорят, весь пропал.

29 человек увезли на барже под конвоем в Красноярск. Там держали следственно почти год. Ложные обвинении приписывали, морили и бессонницей томили, говорили: Признайтесь, что вы вели агитацию против советской власти. Старцы отпирались наголову, что не было этого. Следователь говорил: Но вот вы бывало же, сойдетесь двое-трое и говорили что-нибудь про душу. Старцы говорили: Но это конешно было, наша основная цель говорить о спасении души. Следователь сказал: А вот это и есть агитацыя против советской власти. Лукавым и насильственным путем всех обвиненных сделали друг на друга показателями и свидетелями в преступлении. И осудили некоторых на 25 лет, это старших, а других на 15 и на 10 лет.

Но пробыли примерно три с половиной года, и по смерти Сталина все страдальцы были распущены, поехали кто куда. Из старцев отец Симеон стал жертвой заключения, а из стариц мать Маргарита. Оставленные на свободе десять дев постепенно обрусели и все повышли в замужь, только осталось ценное то, что все верующие по сей день (1990г.)

А когда мы были еще на месте взаперти в скиту, старший лейтенант Иванушкин взял икону - изображение Страшный суд, деревянная, от древности коричневая, она больше все почикивала и предвещала. И вот он с нее топором стесал изображение, доску принес к нам в стан и говорит приказательным манером: Афанасий! Вот из этой доски напили и сделай нам домино, только плашки сделай, а очки мы сами наставим. Положил доску на что-то и ушол. А я только выслушал и ничего не сказал. Старцы смотрят на меня и говорят: Неужели, брате Афанасий, поднимется у тебя рука делать игрушки из иконы? Я, конешно, и сам не думал делать, так и не сделал. Через несколько часов Иванушкин явился к нам, и только перешагнул порог, и видит, что доска нетронута лежит на том же самом месте, заговорил с гонором: Ну что, Афанасий? Сделал домино? А я ему на ответ: Нет. Он говорит: А почему? Я говорю: Это же была икона, а зачем же ты ее обтесал? Ты бы принес ее необтесанную, и я стал бы на нее молиться. Он, видать, осрамился и пристыдился, взял доску и ушол молком в отряд...

Когда шол отряд, жгли и зорили Дупческие скиты, беззащитные старички и старушки жили не в одном месте, было два скита мужских и четыре женских. Друг от друга были километров 30 и 15. И было, что отряд захватит скит, и в первую очередь на шест поднимают антену, и радист видать радушно выходит на связь, делает передачу, как будто они захватили неприятельскую крепость: вот так обходилось уничтожение скитов.

О прочих не знаю, а когда захватили скит отца Симеона, начальник Софронов спросил: У вас есть золото? Отец ответил: Есть сколько-то копеек. Он, конешно, даже и не знал, сколько по сщоту было денежек, как были в тряпке в узелке, так и отдал начальнику. Но не должно быть много, разве пять или 6 денежек.

Софронов ужахнулся, увидев, что у отца Симеона была такая громада книг. Он говорил: Наверно ни в какой библиотеке нет столько книг. Книга «Небеса» что-то на него подействовала, что он ее отдельно жог в костре на огряде, и палкой листы швырял, чтоб сильнее горели.

* * *

К повествованию Афанасия Герасимова можно очень многое добавить - мартиролог мучеников-старообрядцев XXв. колоссален.

Мы приведем лишь несколько фактов, о которых стало известно из рассказов жителей Нижегородской области.

* * *

Борский район, дер. Елисино. «Когда в 30-е годы церковь старообрядческую разрушали и разгоняли монастырь, священника и инокинь многих забрали и расстреляли в тюрьме около Бугровского кладбища в Нижнем Новгороде. А церковь была знатная, славилась своими певчими, которые даже ездили в Москву, и архиепископ приезжал их послушать. После разорения монастыря инокини, избежавшие жестокой участи, жили в деревне. А теперь последние времена наступают, слуги Антихриста множатся. Блуд, гонения будут распускаться, как почки на деревьях. Америка всем завладеет... Волчьи волосы расползутся по всей земле...»

* * *

Воскресенский район, дер. Елдеж. « В 1937—1938 гг. маму забирали несколько раз. Маму повезли, забрали с одним старичком вместе. Я догоню маму, брошусь ей на шею. Так милиционер меня раза три отбрасывал. Ее подержат, подержат и опять отпустят. Мама знала, что сказать в милиции: и серьезно, и пошутить могла. Мама говорила: «Какие мы вредители? Вредители не под пеньком, а за столом сидят». Начальник милиции крест принес и при маме сломал: «Что мне сделает твой Бог?» - «Эх, милый, ты образ ломаешь, над ликом хочешь поиздеваться, а Спаситель-то сам живым в руки мучителям предался». Дядю Николая вместе с мамой в Воскресенское забирали. Больной он был. Пищу в Великий пост он от милиционеров не принимал. Так и погиб. Умер в Воскресенском, там и схоронили. Так ведь вырыли яму и заваляли».

* * *

Городец. «Старики говорили, что, мол, продержится эта власть советская 70 лет, потом будет поворот на старое житье, но мира скоро не будет - бывшие правители захотят помешать. Война пройдет по всей земле. И будет Варфоломеевская ночь. А что дальше будет - один Бог ведает...»

* * *

Сосновский район, дер. Венец. «В 30-е годы многих в селе раскулачивали, проводились торги, где продавали «кулацкое» добро. На Самосадове была двойная вина: он был зажиточным и был наставником. Сначала семью выгнали из дома. Они жили в моленной. Потом Самосадова забрали, там и пропал. По словам людей, Самосадов сказал перед уходом: «Тело мое я насытил, пойду душу насытить».

* * *

Борский район, с. Филипповское. «Перед революцией задумал Бугров в Попове построить то ли церковь, то ли богадельню. Заложили фундамент, начали стены класть. И вдруг пришел один беспоповец Влас: «Не стройте,- говорит,- церковь, в ней скоро черти плясать будут». Никто не поверил. Тогда Влас стал по ночам стены той церкви разбирать. Да силы неравные были, построили церковь. А после революции в том здании действительно клуб организовали».

* * *

Семеновский район, дер. Пафнутово. «Вся семья - родители и шестеро детей - в 30-е годы во время гонений бежали из своей деревни ночью в Нижний Новгород. Хозяйство у нас было хорошее, а родители - крепки в вере, так что гонений ждали не с той, так с другой стороны. Отца в деревне уважали, ценили и в момент опасности предупредили. Бежали в панике со своим скарбом, который смогли забрать. А жили в Нижнем в маленькой домушечке с грибами на стенах, сами ее построили. Работал только отец, извозом занимался, мы ведь с собой лошадку привели. А как он ослеп вскоре, его старшая сестра моя замепила. Только на то и жили».

* * *

Володарский район, дер. Голышово. «Содержателем моленной у нас был Иван Иванович Кокарев. Разрушили ее в 39-м году председатель сельсовета да председатель колхоза Иван Дмитриевич Морозов. За это Морозова парализовало. Николаю Парфентьевичу, столяру из Доскино, было поручено делать что-то из икон - он тоже плохо кончил.

Церковь-то никонианскую разрушили еще раньше, чем моленную. Когда разрушали церковь, раскрыли бывший в ней склеп и перевезли останки двух людей, там похороненных, на кладбище. Я сама видела, как перевозили - что миру было, как на маслену».

* * *

Володарский район, дер. Щелканово. «Помню, как церковь разрушали. Я тогда в 6 классе была. Рубили там иконы - как поленья. Руководил этим Морозов из сельсовета. Награбили они тогда церковного имущества! Дочь его ходила в бархате церковном. А его самого Бог наказал - паралич его разбил, лежал он неподвижно, слова не мог сказать.»

«Отец матери моей назывался «купцом», он заводишко имел, шерсть чесал, по зиме валенки валял. В 1930-м году их семью раскулачили, всего в деревне из 18 дворов раскулачили 5. Раскулачивающие дорвались - мед ложкой хлебали. Свои же деревенские все добро растащили. Приютила тогда семью родня. Отец мой сидел в заключении по 58-й статье.

Деда же арестовали в 1930г. вместе со священником, потребовали от них отречься от веры. Священник отрекся, а дед - нет, его и расстреляли. Мне тогда было 8 лет, помню деда плохо. Бабушка ездила в Кинешму и говорила с охранником тюрьмы, тот рассказал, как дед погиб. Он был спокоен, перекрестился, отвернулся - и к стенке. Дедушка с легкостью пошел на смерть. Говорили про него - «крестился кровью» - и молились на него».

* * *

Володарск. «Разорять моленную приехали председатель поссовета Подольский, секретарь ячейки Михаил Андреевич Горев и какой-то рабочий Живоедов. Привезли с собой две подводы. Отобрали ключи у бабушки, велели ей уходить. Дернули они иконостас - иконы и посыпались... Сложили их в сундуки и увезли неизвестно куда. Но еще до того некоторые книги и иконы мы смогли зарыть. Три года пролежали они в земле, начали уже гнить. Зарыла их бабушка еще до того, как ее посадили. К тому времени мы уже были лишенцами. Паспорта у нас отобрали, землю отобрали - а землито и была к тому времени одна десятина. Вот мы и ждали беды. А по деревне уже за веру сажали. Тепилова Анна Федоровна просидела 10 лет от звонка до звонка. С ней сидела и другая соседка, Смирнова. Обе сидели в Сарове.

У нас многих расстреляли, а в Сибирь только две семьи сослали, Кутыревых вот сослали. Убежали они по дороге. Обыскали-то их, когда ссылали, плохо, свои же обыскивали. Они с золотом уехали, золото их и спасло. Уговорили они машиниста, тот заложил их в тендере дровами, а потом высадил в поле. После они в Саратове оказались. Потом реабилитировали их».

* * *

Бутурлинский район, дер. Кеньшево. «Иван Степанович был наставник. Он ездил на прения, доказывал нашу веру. В тридцатых годах ему запретили в моленной служить. Пришли во время службы и всех из моленной выгнали. Тогда он все иконы в сад вынес, на дерева повесил, стал служить в саду. К нему опять приходят: «Зачем службу устроил?». А прихожане все равно ходили.»

* * *

Бутурлинский район, дер. Уварово. «Наши настоятели ездили в Москву до войны еще. А настоятелей ведь преследовали тогда. Нас привергали до невозносимости!».

Материал подготовлен Институтом рукописной и старопечатной книги.

Фото Л. ЗИЛЬБЕРА и С. ЛОТЫРЕВА

Памяти Николая Александровича Бугрова

Нижегородская газета «Волгарь», 6 февраля 1911 года: «В городском обществе, особенно в думской среде вызывает общее соболезнование недомогание Н. А. Бугрова, человека, создавшего себе своею благотворительностью такую популярность в городе и за пределами его, какая имеет все данные сохраниться навеки. Это поистине титан благотворительности, которая в таких широких размерах, какие им даны ей, является беспримерной. Следуя слову евангельскому, он не создавал себе сокровищ на земле, а все свое громаднейшее наследственное состояние постепенно умалял посредством пожертвований на бесчисленные благотворительные учреждения и на богоугодные жертвы в городе и губернии».

Действительно, бесконечно долго можно было бы перечислять все заслуги перед городом и губернию купца I гильдии, гласного городской Думы Николая Александровича Бугрова. Вот лишь некоторые из них:

— соорудил на свои средства городской водопровод;

— построил ночной приют на 900 человек;

— выстроил «вдовий дом» и содержал его;

— выдавал пособие всем нижегородским погорельцам;

— выстроил в губернии несколько церквей, школ и богаделен и содержал их;

— завещал после смерти оставшиеся средства распределить так: 10 проц. в пользу города, 45 проц. в пользу благотворительных учреждений и 45 проц. бедным и пострадавшим от пожаров крестьянам.

Увы, при советской власти даже склеп с его прахом был варварски уничтожен вместе со старообрядческим кладбищем, церквями, моленной, кельями и т. п.

Необходимо восстановить историческую справедливость — создать в Нижнем Новгороде памятный знак в честь этого великого человека. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию один из вариантов этого памятника, выполненного в виде традиционной заволжской часовенки в честь святого Николы. Старообрядцам представляется наиболее подходящим местом для установки часовни Софроновская площадь (напротив речного вокзала), в глубине сквера, рядом с домом, где Бугров жил и умер. Разумеется, без помощи городских и губернских властей, без пожертвований со стороны предпринимателей здесь не обойтись.

Предприниматель, меценат, старообрядец Евгений Мамонтов

В прошлом номере нашей газеты было помещено «Житие купца Бугрова», человека, ставшего в свое время символом русского национального предпринимательства. Бугровы, по происхождению крестьяне, благодаря своему трудолюбию, бережливости, предприимчивости стали «первейшими» людьми не только в бизнесе, но и в общественной жизни нашей губернии да и всей России, но известность Бугровы получили не столько благодаря своему капиталу, сколько широчайшей благотворительности, на которую тратили значительную часть состояния.

Однако Бугровы были далеко не единственными, кто прославился своим меценатством. Рябушинский за свой счет посылал экспедиции для исследования Камчатки. Его брат фактически содержал археологический институт. А галереи картин и коллекции редких изданий (Третьяков, Солдатенков). Здания гимназий, училищ, биржи труда (Морозовы). До сих пор москвичи первую детскую клиническую больницу называют «морозовской», так как она была построена на средства Викулы Морозова. Построили в Орехово-Зуеве Морозовы и два футбольных стадиона, считавшихся в те годы лучшими в России.

Старообрядцы-благотворители Морозовы, Кузнецовы, Зимины и другие — длинен ряд купцов, промышленников, покровителей искусства, науки, образования. Этими людьми гордилась Россия.

Но что же нынешние времена? Время, когда сколачиваются миллиардные капиталы, делаются состояния, и одновременно с этим сотни тысяч людей оказываются на грани нищеты, еле сводят концы с концами. Нет-нет да промелькнет в печати сообщение о благотворительных акциях, которые проводят администрации вкупе с банками и крупными фирмами, да о бесплатных обедах, организованных... кришнаитами. А что же наши отечественные купцы да промышленники? Или слава Бугрова не греет сердец нынешних бизнесменов? Конечно, отдыхать на Ямайке куда приятнее, чем жертвовать деньги на детский дом, мемориал или церковь. Но, к нашему счастью, не все предприниматели разделяют это мнение.

За свидетельством тому далеко идти не надо. Достаточно пройти по Ошарской улице Н. Новгорода — там, в сквере возле областного военкомата многие нижегородцы обращали свое внимание на появившийся не так давно небольшой памятник: отлитое из бронзы суровое, волевое лицо человека, пятьдесят с небольшим лет назад спасшего Россию от уничтожения. Да, это бюст выдающегося советского полководца Георгия Жукова, под руководством которого советская армия победила Германию. Сооружен памятник в 1992 году известным скульптором Лукиным на средства нижегородского предпринимателя Евгения Мамонтова.

Два года существовало к тому времени предприятие «Нижегородец», — возглавляемое Евгением Васильевичем. С тех пор каждый год в жизни этой фирмы был отмечен какой-либо благотворительной, меценатской акцией.

В сентябре 1993 года в Городце состоялось торжественное открытие прекрасного памятника защитнику Руси князю Александру Невскому. Но многие ли знают, что этому торжественному, праздничному моменту, на котором присутствовали Немцов, вице-президент Руцкой, Михалков (кстати, личный друг Евгения), предшествовали месяцы напряженной работы. В Петербурге, где на единственном в России заводе «Монумент-скульптура» происходила отливка громадной фигуры князя, специально был откомандирован двадцатилетний Дмитрий Мамонтов — сын главы фирмы. Целый месяц Дмитрий контролировал выполнение договора. Сроки поджимали, и по договоренности с директором завода вместо запланированных трех месяцев памятник удалось сделать за 30 дней.

В 1995 году к Евгению Мамонтову обратилось за помощью Ветлужское общество инвалидов, объединяющее более полутора тысяч человек. «Грех не помочь инвалидам» — сочли в «Нижегородец — Аэро» и пожертвовали ветлужанам немалые средства.

Наконец, в прошлом году на средства АО в том же Городце был построен великолепный мемориальный комплекс в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Что за дело Евгению Мамонтову, происходящему по линии матери из крестьянской семьи деревни Ледырь Воротынского района, 20 лет проработавшего на заводе «Электромаш», а ныне главе преуспевающей фирмы, до Жукова, Невского, инвалидов и ветеранов второй мировой? Почему он тратит время, деньги, силы на помощь посторонним для него людям, на памятники и храмы?

«Во время моих многочисленных командировок по нашей стране я видел много обиженных судьбой людей, их трудная жизнь, душевная боль мне понятны, — рассказывает Евгений Васильевич.

— В военном 1943 году наша семья с берегов извилистой речки Урги переехала в Горький. Мой дед Андрей Калашников во время войны на свою продовольственную карточку содержал огромную семью — 5 дочерей и сына. Он умер от голода, так как свою долю отдавал детям. Всегда помогать людям, попавшим в беду, — так учил дед, этому следовали мои родители. По этому принципу я и живу. Каждый уважающий себя предприниматель должен оказывать помощь обездоленным. Нашему населению, особенно в глубинке, нужны конкретная помощь и поддержка, а не пустые слова и обещания, которыми сыплют наши политики, борющиеся за власть».

Особое отношение у Евгения Мамонтова к событиям Великой Отечественной войны, к ее ветеранам, к людям, положившим жизнь, отдавшим здоровье за Победу. Именно поэтому Мамонтов старается увековечить память русских людей, защищавших свободу нашей Родины.

Но не только памятниками прославился Евгений Васильевич. Особо стоит остановиться на его меценатстве по отношению к нижегородскому оперному искусству. Здесь следует вспомнить о том, что самый знаменитый российский меценат Савва Морозов преуспел в строительстве именно театров. По инициативе Морозова и на его деньги в 1902 году в Орехово-Зуеве родился первый в России самодеятельный оперный коллектив. В этом же году Морозовым был открыт Московский художественный театр, первым директором которого и стал строитель-меценат. «Я радуюсь, — говорил К. С. Станиславский, что русский театр нашел своего Морозова, подобно тому, как художество дождалось своего Третьякова». Если меценатом русского драматического театра был Савва Тимофеевич, то оперным меценатом стал после смерти С. И. Мамонтова Сергей Зимин, основавший в 1904 году в Москве Оперу Зимина.

По стопам Морозова, Зимина и своего знаменитого однофамильца Мамонтова пошел и Евгений Васильевич, оказавший финансовую поддержку ведущему солисту нижегородской оперы Александру Правилову в проведении бенефиса в ознаменование 30-летия его творческой деятельности. Вся нижегородская интеллигенция благодарила в те дни Евгения Мамонтова, организовавшего этот праздник искусства за свой счет.

Во все времена широкая благотворительность требовала значительных средств. Пожалуй, не было в истории случая, когда деньги, нажитые нечестным путем, тратились затем на благие цели. Средства фирма «Нижегородец — Аэро» получает не из воздуха, не в результате каких-либо махинаций, а зарабатывает напряженным, повседневным трудом. Круг интересов фирмы достаточно широк. Это и строительство жилья (активно идет строительство трех 10-этажных домов в Н. Новгороде), различных объектов соцкультбыта (осенью этого года в строй встанет гостиница в Городце) и проектирование, производство деловых самолетов и экранопланов, и научные исследования. Содержит фирма сеть автозаправочных станций, две крупные нефтебазы, асфальто-битумный завод. Особое внимание организация уделяет разработке и изготовлению продукции оборонного значения. К этому делу руководство «Нижегородец — Аэро» относится весьма серьезно и ответственно, как к их личному вкладу в повышение обороноспособности Родины.

«От состояния наших рек, лесов, воздуха, — говорит Евгений Мамонтов, — всего того, что называют окружающей средой, напрямую зависит рождаемость и продолжительность жизни наших людей. Наша фирма активно участвует в реализации экологической программы Федерального центра экологических технологий. В частности, совместно с ЦНИИ «Буревестник» нами создана уникальная машина для сбора и переработки нефтепродуктов в открытых акваториях.

Только здоровое поколение сможет возродить Россию. Есть у меня мечта: к моему юбилею (а это произойдет уже через полтора года) построить на берегах реки Узолы в Городце филиал МНТК «Микрохирургия глаза» Святослава Федорова, где бесплатно будут лечиться дети не только Нижегородской, но и соседних областей.

Евгений Васильевич — плоть от плоти нашей русской земли и ее духовные ценности ему далеко не чужды. Известно, что у православных с давних времен вся жизнь была основана на заветах Евангелия, на христианской любви и христианском милосердии. Эти основы христианской церкви послужили основами для христианской благотворительности. Вот почему благотворительность чаще всего зиждилась около церкви, около храма. Восстановление храмов Нижегородчины занимает немалое место в благотворительных делах фирмы Евгения Васильевича. Ныне любой проплывающий мимо круч древнего Городца человек видит рядом с пристанью, на горе, вознесенный в небо крест городецкого старообрядческого храма. Будто золотой горит он в лучах заходящего солнца. Конечно, это не золото, даже не сусальное. Благодаря хитроумной технологии покрытия нержавейки титановым напылением создается этот эффект. Эта весьма дорогостоящая операция, так же, как и сооружение при храме колокольни, организована была под руководством и на средства Евгения Мамонтова. «Святым делом, — говорит Евгений Васильевич, — я считаю оказать помощь в возрождении храмов. Раньше отношение к религии у меня было равнодушное. Но все изменилось с момента авиакатастрофы, в которую я попал. Только чудом остался жив». Случайность? Или же силы высшие оставили с нами этого человека для выполнения предначертанного ему? Возрожденные городецкие церкви, суровые мемориалы, прекрасные дома, строительством которых занимается эта фирма, новые разработки в области экологии, научные исследования, поддержка искусства, духовности, помощь инвалидам, оказанная фирмой Мамонтова, — все это свидетельствует о том, что случайностей на этой земле не бывает. Все, что создано, сделано Евгением Мамонтовым, его сыном Дмитрием, идущим по стопам отца, за эти немногие годы — это маленький, но важный вклад в то, чтобы сделать наше общество более духовным, а нашу землю немного прекраснее...

«Летопись Городецкой старообрядческой часовни»,

писанная И. Блиновым в 1901 году

«Любимая о Христе братия и сестры днесь доколе в животе есмы, воспомянем о прежнем существовании нашего старообрядческого кладбища, где покоятся потомки и прадеды наши, отцы и братия и сестры, сродники, друзья и ближние, знаемыя и незнаемыя, помолимся обще вси о отошедших от нас из сей временной жизни, приидем вси и увидим их унылыя могилы, и воздохнем сердечно и прослезимся, помыслим каждый из нас, сколько зде на сем свете неликовати, а гроба не миновати. Также да незабвенна будет память наша о первом основании часовни. Сие кладбище издавних времен существует, но когда и кем оно было основано, о том никаких достоверных источников, к сожалению, не сохранилось. Но только по преданию предков наших оно существовало задолго еще до 1780 года. На сим кладбище в царствовании государыни императрицы Екатерины Второй, с разрешения ея построена была деревянная часовня, во имя праздника пресвятыя Богородицы честного и славного ея успения...

В 1874 года месяца февраля в 1 день в 1 час ночи случился пожар в часовне накануне праздника Сретения Господня. Згорела крыша на всей часовне, потолок прогорел местами и паперть сгорела. Но стараниями прихожан, покрыли снова и паперть приделали. Но божьим попущением загрехи наши случился второй пожар в 1893 года месяца мая в 17 день. В 11 часов вечера со дня праздника Сошествия Святого Духа згорела вся часовня до основания, остался один фундамет, тогда пожаром истребило все драгоценные сокровищи и все святые древнейшие иконы, вещи, дорогая утварь и книги... От всего остался один прах и пепел и жалкие развалины... С разрешения же правительства начали удалывать часовню в каменном здании, которое сложено было в 1876 году в 10 саженях от старой сгоревшей часовни, по левую сторону. Каменная ограда сложена в 1879 году. Колокольня деревянная построена в 1883 году. Начали молиться в новой часовне в 1893 года месяца сентября в 12 день. Со священноиноком Макарием. Он и освятил ея. Тогда колокольня была сломана. А в 1896 году поставлена снова 14 мая (каменная колокольня)...».

На этом «Летопись», к сожалению, обрывается. Только чудом уцелела и дошедшая до нас часть произведения талантливого городецкого книгописца и миниатюриста Ивана Гавриловича Блинова. Выполненная красками на холсте «Летопись» в 1990 году была обнаружена в... груде макулатуры. Спасенная от уничтожения преподавателем городецкой школы № 5 Галиной Федоровной Карзаковой, «Летопись» хранится ныне в Городецком краеведческом музее.

Добавим, что старая часовня была построена на месте Федоровского монастыря, разоренного татарами. Прихожан ее насчитывалось до 50 000 человек, съезжавшихся на службы из Нижегородской, Владимирской и Костромской губерний. Часовня постепенно сделалась руководящим центром для старообрядцев всего Заволжья. Занимала она 3,5 десятины земли. Была окружена высокой оградой, внутри которой находилось семь жилых строений и школа. Стояла часовня на прекрасном холме. При ней — обширное кладбище с вековыми березами.

О гибели храма в пожаре есть свидетельство журнала «Миссионерское обозрение». «17 мая 1893 года около 12 часов ночи жители села Городец были встревожены пожарными набатом. Через несколько минут весь Городец огласился зловещим пожарным перезвоном. К месту пожара собралась местная пожарная команда и машины частных владельцев. Но было уже поздно. Старинное здание было все объято пламенем. Только несколько отчаянных смельчаков через взломанное окно (часовню отпереть из-за пламени было невозможно) успели вынести кое-какое добро.

Но сгоревшая часовня возникает из пепла в новом благолепии. Вот уже месяц как идут усиленные работы по постройке на ее месте новой, обширнейшей и великолепнейшей часовни — ежедневно привозятся на тройках огромные балки, с железной дороги обозами везут цемент, изразцы и проч. Заказан уже дорогой величественный иконостас. Сам Бугров приезжал в Городец для осмотра работ и сделал распоряжение, чтобы денег на постройку не жалели».

Какова же судьба новой, каменной городецкой часовни в советское время? По словам старожилов (Александры Анисимовны Колесовой, Антониды Георгиевны Ореховой и других), служба в храме шла до 1933 года. При нем находились два священника о. Петр («забрали» в 1937) и о. Георгий (умер около 1930 года), несколько дьяконов. Прекрасный хор певцов, удивительный звон колоколов часовни до сих пор сохраняются в памяти городецких старожилок. Рядом с часовней, через дорогу, находилась 3-этажная богадельня, где жили старушки. Но пришел черный час и для городецкого храма. «Колокольню взорвали антихристы — весь Городец содрогнулся», — вспоминают очевидцы. Иконами топили печи, их жгли, кололи. Руководил разорением городецких храмов и «старообрядцев сажал» председатель горсовета Иван Мартемьянычев. Рассказывают, что когда он умирал в больнице, казалось ему: змеи лезут в окна, кричал он и плакал. «Простите меня», — взывал он в пустоту. Другие говорят, что после смерти его так раздуло, что и в гроб не влезал.

После закрытия часовни и арестов и гибели многих старообрядческих деятелей (тех, кто жил при часовне, всех забрали, исчезли епископы городецкие Павел, Илия) собираться на моление перестали — боялись. В здании часовни разместилась школа, а из кладбища сделали футбольную площадку. До сих пор напоминают о нем лишь несколько вековых берез и сосен.

СПРАВКА. Епископ Павел Городецкий (Петр Михайлович Носов). Поставлен в 1933 году. Возглавлял епископию три года.

Епископ Даниил Городецкий. Уроженец д. Андроновой. Поставлен в декабре 1937 года и вскоре умер (своей ли смертью?).

Епископ Илия Городецкий (священник Григорий Савельевич Морозов). Поставлен в 1938 году.

После гибели Илии Городецкое епископство древлеправославной церкви не существует.

Материал проиллюстрирован фотографиями из книги В. Горячева «Древний Городец»

1. Старообрядческий храм на улице Гоголя до уничтожения. Взорван в 1965 году.

Старообрядцы-поповцы в Нижнем и его окрестностях

Нижегородская епископия старообрядческой церкви, во главе которой стоял митрополит Белокриницкий, была создана в 1876 году, когда архиепископом Московским в епископы был посвящен священник старообрядческой елесинской (возле Бора) церкви Кирилл. До принятия иночества он был крестьянином деревни Тушнино Семеновского уезда. Нижегородский епископ Кирилл всю свою жизнь прожил в деревне Елесино, где и похоронен. После его смерти в 1903 году епископом стал начетчик, автор ряда богословских трудов Иннокентий (Усов). Резиденция его была уже в самом Нижнем.

После создания Белокриницкой иерархии во всех местах расселения старообрядцев-поповцев Нижегородской губернии стали создаваться общины, строиться моленные, где служили старообрядческие священники, которых власти и местные никонианские священники упорно именовали лжепопами. Крупные общины Белокриницкой иерархии были в селениях Елесино, Богоявление, Городищи, Матвеевка, Рожново, Собчино, Хохлома Семеновского уезда. В Лыскове, Чернухе, Коваксе, Мотовилове, Силине, Крюкове были моленные дома.

В Нижнем Новгороде храм первоначально был устроен в доме Дмитрия Васильевича Сироткина на Ильинской улице. Сироткин был известнейший не только на Нижегородчине предприниматель, владелец судоходной фирмы. Он построил первую на Волге огромную нефтеналивную баржу грузоподъемностью в 10 тысяч тонн и назвал ее «Марфа Посадница» — в честь известной героини старообрядческого движения. Сироткин был избран председателем «Общества судоходства», был членом нижегородских биржевого и ярмарочного комитетов, впоследствии — городской головой. После собрания в Москве в 1900 году попечителей из купечества, названного I Всероссийским старообрядческим съездом, ежегодно в Нижнем Новгороде стали собираться старообрядческие съезды, на которых ведущую роль играл Д. В. Сироткин и которые проводились в его доме.

Около 1907 года на средства Дмитрия Васильевича в Нижнем строится каменный старообрядческий храм. Он располагался на нынешней улице Гоголя. После революции храм был закрыт и вновь пустил под свои своды молящихся лишь в 1946 году. В открытии большую роль сыграли члены общины Федор Лебедев и Иван Хистов — бессменный староста с 1948 по 1985 годы (1905 года рождения Иван Петрович здравствует и поныне и дай Бог ему здоровья). Внутри храма был дубовый резной иконостас. После второго открытия церковь была украшена замечательными росписями, выполненными Аггеем Логиновичем.

Но недолгой была радость прихожан. Храм своим главным фасадом возвышался как раз напротив окского моста и постоянно мозолил глаза высокому начальству, проезжающему по нему. Где-то в середине 60-х годов «наверху» было принято решение об уничтожении храма. Старообрядческую общину решено было перевести подальше от центра города, «спрятать» на кладбище, чтобы их было не видно и не слышно. Общине был передан занятый в то время фабрикой им. К. Цеткин Успенский храм на «Новом» кладбище, которое часто называют «Бугровским».

В 1965 году храм на улице Гоголя был безжалостно взорван. «Взрывпром» уничтожил его бесплатно, как подарок к XXIII съезду КПСС. Старообрядцам ничего не оставалось другого, как обустраиваться на новом месте. Часть нового иконостаса была доставлена в Горький из погибающего храма в Костромской области, попавшего в зону затопления Горьковского водохранилища. Настоятелем в те далекие от нас годы был о. Петр (умер в ноябре 1967 года), затем короткое время общину возглавлял о. Александр, а после него — о. Федор, умерший 4 года назад. Нынешний настоятель Успенской церкви о. Михаил (Шашков) был поставлен в священники 16 апреля 1967 года и с тех пор неизбывно пребывает при общине. (В статье использовались материалы очерка «Кержаки» В. В. Ниякого, фотографии — из архива о. Макария).

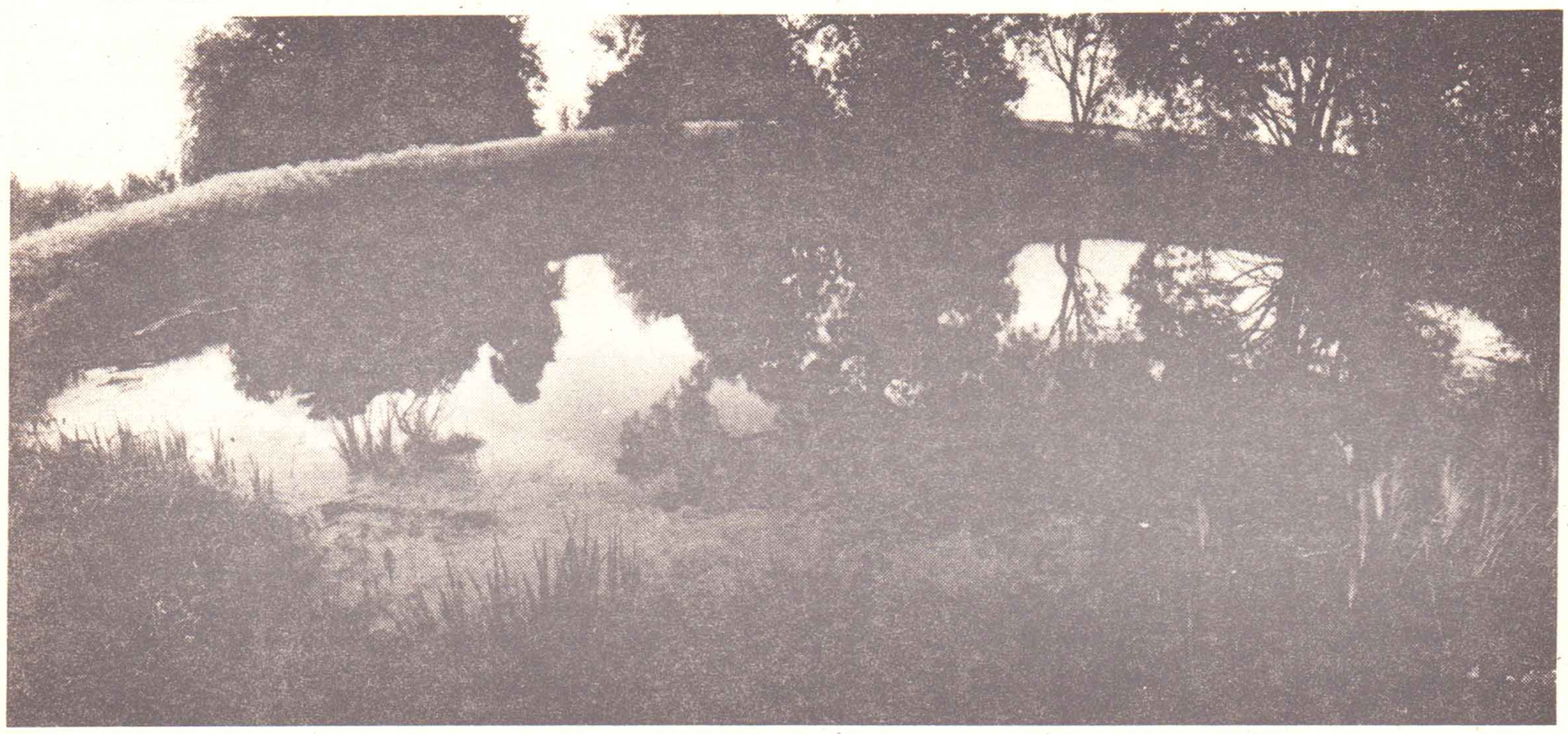
2. 1950-е годы, возле храма на улице Гоголя. В центре архиепископ Московский и Всея Руси Иосиф, слева от него о. Исидор.

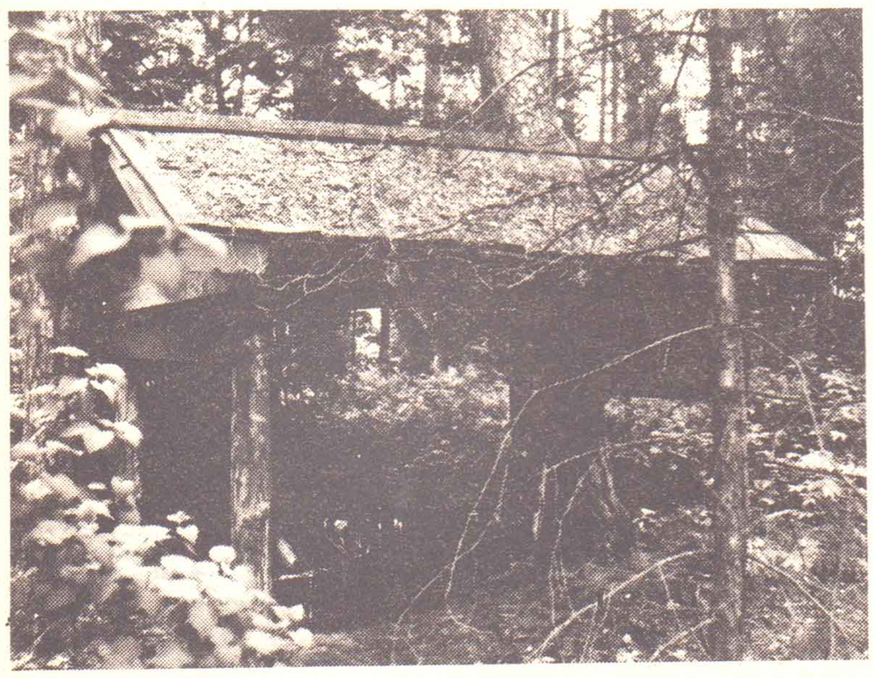

3. Середина 1960-х годов, Успенская церковь. В центре — о. Петр (Селин), слева — о. Семион (бывший долгое время в заточении), справа — протодиакон Михаил Голубев. Вокруг них — певчие храма.

В край скитов и святых могил

Молча возвышались вокруг молящихся хмурые ели, строго смотрели лики медных икон, навечно вросших в стволы деревьев, почти совсем заплывших темною корою. Давно уже не звучало в здешних лесах церковное пение, много лет не горели перед этими крестами свечи...

Множество старых крестов возвышаются в глухих семеновских лесах. Это признаки некогда процветавших старообрядческих скитов, все, что осталось от кипевшей здесь бурной хозяйственной и духовной жизни, описанной в известных романах Мельникова (Печерского) «В лесах» и «На горах».

Еще триста лет назад нашли в лесах по Керженцу себе убежища гонимые властями староверы. Расчистили от деревьев поляны, основали починки, скиты в чащобах укрыли. Сохранились имена первых поселенцев: священноинок Софонтий, Дионисий Шуйский, Онуфрий, матушки Фотиния и Голендуха. Триста лет жили в скитах староверы, но в 30-е годы были опустошены последние оплоты древлего благочестия — скиты Комаровский и Шарпанский, кельи и моленные разобрали на хозяйственные нужды, оставшихся стариц отправили на «перевоспитание».

Долго ходили еще люди из окрестных сел и деревень на древние могилы. Как какой-нибудь праздник — идут поклониться святым и мученикам: отцам Софонтию, Арсению, Трефилию, Пафнутию, матушкам Фекле, Голендухе, Анфисе. Ходили и на места скитов, к гробницам Манефы в Комаровский, Февронии — в Шарпанский, на Смольяны.

Но в наше смутное время стали забываться тропки к святыням, иссох источник благочестия. Многие могилы уже поросли густым лесом. Дабы сохранить для потомков эти места и были предприняты на средства Комитета по охране историко-культурного наследия (областная администрация) экспедиции, организовать которые поручено было Институту рукописной книги. За два лета (1994 и 1995 гг.) экспедиция посетила и описала свыше двух десятков подобных мест, часть из которых постановлением Законодательного собрания Нижегородской области объявлена памятниками истории и культуры.

Областная администрация по просьбе старообрядцев выделила средства, на которые колхоз «Верный путь» изготовил 15 трехметровых крестов для установки их на святых местах. Кресты установлены на могилах отцов Макария, Льва, Дорофея, матушек Феодосии, Прасковьи, Агафии, Анфисы, на местах скитов Оленевского, Комаровского, Шарпанского, Старого Шарпана, у святого колодца возле Осинок и на Смольянах. Предстоит установка крестов на могилах отцов Арсения и Софонтия.

Редакция газеты намерена, начиная с этого номера, рассказывать об истории и современном состоянии святых мест, расположенных в основном в нынешнем Семеновском районе.

«Каталог» семеновских святынь

1. Отец Лотий

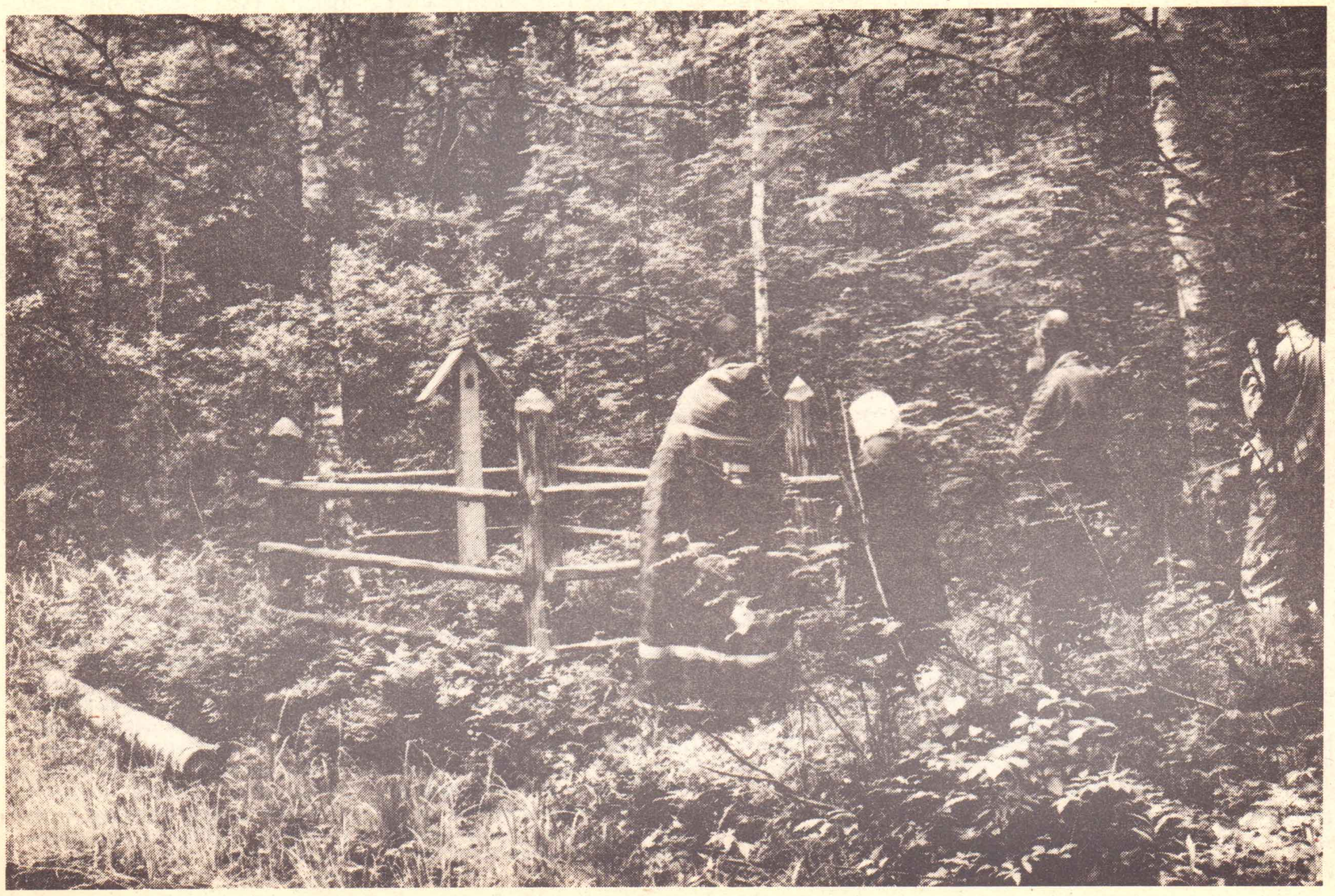
Недалеко от деревни Ларионово Семеновского района, на холме, посреди открытого поля возвышается деревянная ограда, внутри ее — могильный холмик, увенчанный восьмиконечным крестом с надписью «Здесь покоится тело святого отца Лотия. В 1600-х годы». Когда жил этот священноинок, поминаемый за упокой некоторыми ларионовскими старообрядцами до нашего времени? Чем прославил свое имя? Увы, этого уже никто никогда не узнает. Все предания, если они и существовали, канули в пучину времени. Вероятно, на сем месте стояла келья Лотия. Еще недавно (в 40-х годах) возвышался вокруг могилы дремучий лес, рядом с оградой росла огромная ель. После войны весь лес свели, землю вокруг распахали (поле, кстати, прозвалось «лотовым»). Столетняя ель вскоре засохла и ее спилили. Но свято хранится память этого подвижника старообрядчества. Веками подновляемые ограда и крест заботливо оберегаются и ныне. Совсем недавно кто-то, помня, вероятно, о лотовой ели, посадил четыре маленькие елочки по углам ограды. Старообрядцы в Пасху непременно приходили к Лотию, пели пасхальный канон и стихиры.

2. Отец Иосиф

В лесу возле деревни Ларионово, на трановской дороге, возле поворота на Смольяны, находится еще одна почитаемая святая могила — захоронение отца Иосифа. Некий Иосиф упоминается в хрониках старообрядческого движения на Керженце в конце XVII — начале XVIII веков. Скит Иосифа стоял посреди глухого леса, ведь и до сих пор место это малопосещаемое, глухомань. Крест-голбец и ограда подновлены у Иосифа ларионовскими мужиками совсем недавно, несколько лет назад. Старообрядцы, ходившие ранее на Пасху на Смольяны, обязательно заходили помолиться и к Иосифу. Летом 1994 года на могиле Иосифа, как и на некоторых других святых местах, отслужил литию древлеправославный священник отец Никола в сопровождении Любови Галкиной и Авдея Маслова — людей, молитвами и заботами которых не угасает очаг древлеправославия в ларионовской округе. В этом своеобразном паломничестве по святыням принимал участие и наш корреспондент.

(Продолжение описания святых мест Заволжья читайте в следующем номере газеты).

Официально

Законодательное собрание Нижегородской области

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

В целях сохранения и поддержания в Нижегородской области памятных мест, связанных с историей старообрядчества, мест паломничества и поклонения старообрядческим святыням... Законодательное собрание области постановляет:

1. Объявить деревню Большое Оленево Семеновского района, основанную в XV веке, сохранившую планировочную структуру и фрагменты древнего скитского поселения, связанного с именами первых подвижников старообрядчества... историческим местом Нижегородской области.

2. Объявить старообрядческие скиты и могилы, расположенные в Семеновском районе, места паломничества и поклонения старообрядцев... памятниками истории областного значения.

3. Объявить территории старообрядческих скитов (Комаровский скит, скит Смольяны, Пустой (Старый) Шарпан, Новый Шарпан, скит «Семь дев», «Святой колодчик и могилы сожженных» возле деревни Осинки землями историко-культурного назначения.

Приложение № 2.

Список могил старообрядцев — памятников истории областного значения.

Могилы Даниила, Трефилия, Иосифа, Феклы, Лотия, Агафии, Прасковеи и Никодима («Сорокины могилы»), Софонтия.

Приложение № 8.

Режим содержания территорий старообрядческих скитов — земель историко-культурного назначения (выдержки).

1. Согласование всех проектных, строительных, инженерных работ с Комитетом по охране и использованию историко-культурного наследия Нижнего Новгорода и области.

3. Сохранение исторического своеобразия ландшафта.

6. Запрещение прокладки транспортных магистралей, газопроводов, теплотрасс, линий ЛЭП.

7. Запрещение вырубки существующих зеленых насаждений.

8. Запрещение отводов земельных участков в постоянное владение и пользование, запрещение отводов земельных участков под новое строительство.

9. Запрещение устройства новых захоронений.

Из жизни старообрядцев Спасова согласия

Май 1927 года. Город Самара. Очередной съезд старообрядцев Спасова согласия (большого начала). Под сенью вековых лип в этом небольшом самарском дворике собрались старцы и настоятели старообрядческих общин со всей России (среди них немало и нижегородцев) для обсуждения различных вопросов, волновавших в то время христиан. Суровы лица на фотографии, но и время было тревожное — канун коллективизации, канун массовых преследований верующих.

На снимке узнаются некоторые из присутствующих: слева от стола с книгой на коленях сидит председатель Всероссийского съезда старообрядцев, настоятель общины деревни Гремячка (нынешнего Богородского района) Константин Григорьевич Шаманин, справа, второй от стола — инок Сисой из Коврова

За Древлеправославие пострадавшие

Деревня Белкино Кантауровской волости Семеновского уезда издавна была населена старообрядцами — беспоповцами Спасова толка. Старожилы уверяют, что до начала деятельности в этих краях Бугровых о беглопоповщине здесь никто и не слышал: старообрядцы не только Белкина, но и Филипповского, Попова, Тюрина, Соловкова и других деревень сплошь были беспоповцами.

В начале нашего столетия в Белкине беспоповскую моленную устроил состоятельный крестьянин Терентий Буйлов. Двух своих дочерей, Харитину и Пелагею, отправил он на обучение в деревню Песочное, где около двух лет прожили они, постигая у келейниц, у «матушек» правила соборной службы.

Но прошли относительно тихие времена НЭПа, грянула «раскулачка». Конечно, Терентий тут же угодил в кулаки: жил вместе с сыном Фролом, имевшим собственную семью, в двухэтажном доме, имел лошадь да корову, а главное — моленная мозолила глаза местным активистам. Для начала потребовали от Терентия и Фрола, чтобы те вступили в колхоз. Терентий отказался наотрез. «Старый я уже»,— заявил он представителям власти (уже седьмой десяток шел ему тогда). И вот в один из дней 1932 года явились коммунисты за дедом. Не дали даже и одежды толком собрать, а только запрягли лошадь Терентия в его же телегу, посадили в нее деда вместе с бабкой Варей и отправили обоих стариков на Север, в Архангельскую область, на «перевоспитание» в лагеря. В этот же день Фрола Терентьевича с семьей в 5 человек выселили из дома в работную, где они и жили до 1935 года, а сам дом «экспроприировали» и увезли в Ситники. Книги и иконы из моленной конфисковали, а остальное нажитое годами и напряженным крестьянским трудом добро Буйловых «народная» власть пустила на торги.

«Перевоспитался» Терентий или нет, но через несколько лет вернулись Буйловы в родную деревню. Поселились в бане, приспособив ее под жилье. Но не долго уже прожил Терентий на родине. Летом 1937 года работавшего в огороде старика укусила змея. По поверьям, надо бы при змеином укусе пить молоко — так спасались уже многие, но дело было в постный день и Терентий скоромное употреблять не стал. Прошла пара дней, и 2 августа, на Илью, Терентий Буйлов скончался и «отыде душа его к Господу»...

«Сожегшиеся» или «сожженные»?

К вопросу о добровольности старообрядческих гарей

В самой разнообразной литературе, посвященной истории старообрядчества (особенно если речь идет о периоде XVII—XVIII веков), очень часто обращается внимание на такой факт, как добровольные самосожжения приверженцев старой веры.

Не вникая в подробности этих трагедий, авторы в подавляющем большинстве своем приписывают причины самосожжений фанатизму, темноте и невежеству, а часто — изуверству староверов. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти все случаи самосожжений происходят на глазах очевидцев. И кто же эти очевидцы? Оказывается, либо чиновник с солдатами, либо священник господствующей церкви... все с теми же солдатами. Нет ли прямой связи между сожжением и появлением рядом воинской команды?

Когда старообрядцев стали преследовать в городах и посадах, они побежали в леса и пустыни. Здесь старообрядцы думали укрыться от гонений, зажить тихим житием. Но, увы! Следом за ними летели грозные приказы о ссылке и поимке «раскольников». Повсюду рассылались ратные люди и команды стрельцов.

Старообрядцы хорошо знали, что ожидало тех из них, кто попадал в руки ратных людей. За одни разговоры о кресте чинилось жестокое наказание: били кнутом, батогами, сажали в земляные тюрьмы, отрубали руки и языки. Наконец, сжигали в срубах или на кострах.

Поэтому старообрядцы и предпочитали сгорать, не дожидаясь, пока их схватят под караул на лютое мучительство.

Чем противостоять силе? Они запирались в церкви, часовне или избе, риге. «Отойдите,— кричали они своим гонителям, — оставьте нас, или мы сгорим!». Были случаи, что гонители отходили и самосожигатели не сожигались и оставляли свое намерение.

Например, в Исетском округе (Сибирь) местные жители в 1761 году говорили: «Ежели из Тобольска команда воинская придет, то мы ко сгорению себя приведем». Сенат, рассмотрев донесение по этому делу, нашел, что сожжение народа произошло не от чего иного, как именно «от непорядочных поступков духовной консистории против исетских жителей и от разорений, чинимых посланными священником и командой».

Но в XVII веке до правительства такие дела не доходили, и сожжения происходили по нескольку случаев за год. Приведем в качестве примера обстоятельства знаменитых олонецких гарей. В 1687 году в августе месяце в Олонецком уезде на Березове, на волоке сгорел инок Пимен и с ним множество народа. Сожжение это произошло при нападении на них воинской команды, которая начала «изо всего оружия стреляти с великою яростию и гневом, хотяще всех живых взяти и на мучение повести».

В 1689 году осенью из Олонца пришли воины к Палеостровскому монастырю. Старообрядцы, находящиеся в монастыре, встретили воинов выстрелами и после отчаянного сопротивления зажгли монастырь и в нем сгорели сами, в числе 500 человек. В старообрядческом синодике в разделе «Сожженные благочестия ради» сказано: «На Пальеострове в 1689 году ноября к 23 дню... Инока Германа. Инока Ефрема... и прочих 1500». Здесь поименно перечислены иноки, девы, жены в количестве 170 человек, при этом многократно упоминаются младенцы и «чады». Все они сгорели в этот страшный день, 23 ноября 1689 года.

В Нижегородском крае первая известная гарь произошла в 1672 году, когда сгорело в Закудемском стане около двух тысяч человек. В дальнейшем особенно много сожжений происходило в лесном Заволжье. До сих пор места сожжений почитаются старообрядцами как святые. Так, недалеко от деревни Ларионово Семеновского района известна гробница «Даниила, сожженного с двумя тысячами братьев и сестер». Возле деревни Осинки находится святой колодец, рядом с которым стоят в ограде пять крестов — здесь, по преданию, сгорели иноки поодаль стоявшего скита, когда его пришли

Из журнала христиан-поморцев «ЩИТ ВЕРЫ», 1912 год.

Видение Козмы

Это было за Волгой, в селе Бор, на святках 1668 года. В том селе служил поп Никита. Он отложил старые книги и принуждал своих прихожан креститься тремя перстами. Многие спорили с ним об этом, особенно кузнец Козма, но Никита упорствовал и всем двуперстникам «многие страшилища прорековал».

Однажды поп заболел — и в ту же ночь Козма видел виденье. Видит себя в доме Никиты. «Лежит поп на одре совсем болен. Ажно внидоша в храмину туж четыре мужа крылати и сини, и яша попа того за власы главы его, и другима рукама за руки его, ины и за ногу и ины за другую ногу, и начаша его бити и мучити. Он же, поп, нача вопити, и кричати и молитися им: увы мне, о господие, не мучьте меня! О горе мне, не убейте меня!» Это были синцы, мучавшие попа за новую службу и за троеперстие. Проснувшись, Козма в ужасе спешит в дом попа Никиты и там видит, что поп болен: кричит, очи выспрь, руки простирает в мольбой: «Государи, братие, помилуйте мя, дайте душу на покаяние», хотя никого не было, к кому бы он мог так взывать. Вспомнил Козма видение и устрашился. Через шесть дней поп помер, тело его оказалось такое, как у оных синцов, которые били попа, а кости его, что черепки в мешке.

разорять солдаты. Но, пожалуй, самое известное сожжение в керженских лесах, это сожжение Варлаама, описанное в романе Мельникова (Печерского) «В лесах». Мельников неоднократно бывал в керженских скитах, где, очевидно, и услышал предание о Варлааме, которое затем изложил на страницах своего романа. «Из здешних же отцов был, из керженских... Жил в пустынной келье с тремя учениками... недалеко от Улангера, на речке на Козленце, келья у него была. До сих пор благочестивые люди туда сходятся поклониться святому пеплу Христа ради сожженных... Много душевным гладом томимых, много опасения жаждущих в пустыню к нему притекало, он же, исправляя их, причащал старым запасом, что от лет патриарха Иосифа был сохранен. Книг же имел довольно, отовсюду собираше правоверных на книгоучение, утверждая их в древнем благоверии. Уведал и о том... начальники и послали ратных людей со всеоружием и огненным боем изыскать отца Варлаама и учеников его... На утрие ратные люди обретоша келию и восхотеша яти отца Варлаама со ученики его... Они же, замкнув келию, зажглися... Аки отроцы вавилонстии в пещи горящей, тако и они в келии зажженной стояли и среди пламени и жупела псалом воспевали: «Изведи из темницы душу мою,— меня ждут праведницы!..» И тако сгорели телесами... Души же блаженных страстотерпцев, аки злато в горниле очищенное, ангелы божии взяху и в небеса ко Христу царю понесли...»

История Нижегородской поморской общины

Общество христиан-поморцев существует в Нижнем с давних времен. Храм старообрядцев-поморцев брачного согласия располагался на улице Гоголя, 11. Сюда приходили и приезжали не только нижегородцы, но и прихожане из Городца, Кстова, Балахны и других мест. Это было деревянное рубленое здание с двором и хозяйственными постройками.

Вся передняя стена представляла собой иконостас. В центре был большой деревянный резной крест, по левую сторону стоял образ Богородицы внушительных размеров в серебряной кованой ризе, в уступке — Нерукотворный образ. В несколько рядов стояли иконы апостолов, святителей, мучеников. Очень красив был престол. На нем лежало Евангелие в окладе.

В начале нашего века настоятелями храма были Павел Иванович Коптев, Александр Михайлович Киселев, Иван Петрович Шульпин и Иван Михайлович Кокунин. Это были широко образованные люди, прекрасно знающие устав, солевое пение. Отец Шульпина, Петр Семенович, часто бывал на Всероссийских соборах. Иван Михайлович Кокунин тоже был на Первом Всероссийском соборе поморцев, приемлющих брак, состоявшийся в Москве в мае 1909 года. Иван был сотрудником ежемесячного поморского журнала «Щит веры» (издававшегося в Саратове с января 1912 года по декабрь 1914 года), вел огромную переписку, отвечая на самые разные вопросы.

Солевому пению учил молодежь Илья Трифонович Болотов из Колокши. Перед большими праздниками он всегда организовывал спевки. Одним из клиросов руководил Александр Александрович Молодов, имевший очень красивый голос и глубокие знания, он был председателем Нижегородской общины христиан-поморцев. Благодаря его рвению и стараниям были выкуплены земля и имущество моленного дома за 8800 рублей и на пристрое была воздвигнута глава, на которую в Крестопоклонную неделю Великого Поста, 9 марта 1914 года после утренней службы торжественно водрузили крест.

В те годы в храм приходило много талантливой молодежи, пели дети Молодовых, Шапошниковых, Шульпиных. Шестилетний Коля Шульпин пел величания так, что у прихожан текли слезы умиления и радости. Все дети знали молитвы и умели петь.

Дальнейшая судьба моленного дома печальна. Настоятели были репрессированы в 1937 году. Иван Петрович Кокунин, Григорий Иванович Храмов попали в тюрьму и были расстреляны 6 октября 1937 года.

Все иконы были брошены в костер на глазах прихожан, дорогие оклады погружены в машину и увезены. Люди были в ужасе. Семья Кокуниных, жившая на верхнем этаже храма, прожила там до 1940 года, пока строительный институт, расширяя свои владения, не снес моленный дом.

Общество христиан молилось по домам, по подвалам. За эти годы умерли все старики, знавшие красивое солевое пение, и теперь уже некому восстанавливать прежнюю красоту соборной службы.

Е. К. САБАНОВА

На фото: поморка Урень-края

Письмо из Котласа

(выдержки)

Вашу газету мне прислали совершенно незнакомые мне люди: просили ее переслать. Я думаю, что она попала ко мне не случайно. Я вижу свою миссию в том, чтобы как можно больше людей узнали о старой вере, о том, как лучшие из русских людей шли на смерть, но от старой веры не отреклись.

Дело в том, что после того, как я прочла книгу «Житие протопопа Аввакума им самим написанное», меня поразила сила духа и верность старообрядчеству, я не смогла спокойно жить. Эта книга меня захватила настолько, что мне хочется знать больше и больше о старой православной вере, но литературы по этим вопросам нет, поэтому я с таким волнением читала вашу газету.

Изучая пути-дороги Аввакума в Сибирь, я пришла к выводу, что из Устюга Великого его везли через Сольвычегодск и нашу деревню, через Красноборск, Верхнюю Тойму, на Пинегу, а там был самый короткий путь к перевалу за Уральские горы. Раньше наша деревня называлась Марьина Гора (в 1648 г.), а в 1710 стала Монастырской. По преданию, которое я слышала от своей тетки, возле нашей деревни был староверческий монастырь. Когда Аввакума везли из Устюга, в нашей деревне они жили три дня, ходили в баню, отдохнули. Вот тогда и договорились строить монастырь на высоком берегу реки Пинеги, что в Архангельской области.

Д. А. КОКОРИНА,
г. Котлас.

ОТ РЕДАКЦИИ. Нас очень обрадовало получение этого письма с далекого от нас севера России, так как это свидетельствует о расширении географии распространения газеты «Старообрядец». Нас чрезвычайно заинтересовал сам факт существования устного предания о остановке Аввакума по пути в Сибирь в Марьиной Горе — ведь прошло с тех пор свыше трехсот тридцати лет! Но имя Аввакума, его деяния до сих пор живут в народной памяти. В дальнейшем мы непременно затронем тему жития протопопа Аввакума, ибо его судьба, его духовный подвиг волнуют многих людей, независимо от их вероисповедания.

Хранители

На фото: эту старушку мы, можно сказать, случайно повстречали в одном из древних старообрядческих (в прошлом) селений на берегах реки Козленец. Оказалось, что она одна из очень немногих заволжских беспоповцев, кто еще помнит знаменитое солевое пение: протяжный заволжский напев ее несравним с современным «поспешным» напевом наших нынешних молений.

Обращение Татьяны Черторицкой

Дорогие земляки!

Последователи Старой Веры и просто верующие, все, сохраняющие в своих сердцах искру Божию!

Снова Россия переживает Смутные времена, снова мы оказываемся перед лицом выбора порой не менее страшного, чем выбор жизни и смерти. Снова дерзкий человеческий ум (а вернее, безумие), возносясь в гордыне, полагает, что сможет изменить ход истории России, судьбы миллионов людей. Так уже было в 1652—1666 гг., так было в 1917 г., так было и в 1991 г. Последствия мы знаем: гонения и войны, голод и разорения, экономический упадок и обнищание. Доколе же можно? Никто лучше истинных верующих не понимает, что «любая власть от Бога», и любая власть должна пройти тяжкое бремя испытаний, чтобы стать подлинной властью для народа. Этот период становления тяжек и для самих несущих бремя власти, и для простых граждан. Прошли первые пять лет управления страной нашим первым Президентом. Все было в это время, и плохое и хорошее: непродуманное проведение реформ и война в Чечне, спад производства и невнимание к сельскому хозяйству... Но ведь было и другое: восстановление Храмов, восстановление достоинства Русского Православия, достоинства человека! Мир открылся перед нами, человек почувствовал себя хозяином своей судьбы.

Быстро можно только разрушать. Созидать же доброе справедливое общество, строить дома и улучшать жизнь можно только постепенно, маленькими шажками продвигаясь вперед в условиях мира и стабильности и обязательно при такой власти, которая уже состоит из профессионалов, знатоков своего дела. Вспомните, как правительство Ельцина, постепенно освобождаясь от Гайдара, Чубайса, Нечаева, Козырева и других, либо слишком спешащих, либо просто нечестных людей, постепенно приобретало силу, авторитет и уверенность.

Так подумайте, дорогие земляки, неужели мы позволим безумцам снова все начать с начала, снова привести во власть новичков, будь то команда Зюганова (члены которой даже в парламенте дерутся между собой) или команды Явлинского, Жириновского, Св. Федорова или Лебедя...

«Любая власть от Бога!».

Народное мнение и воля могут влиять на эту власть, поправлять, корректировать ее. Так давайте поможем правительству Ельцина стать подлинно народным правительством. У нас есть все права и возможности для этого: есть свобода личности и есть право голоса.

Выпуск этой газеты приурочен к празднику Святой Троицы, символизирующему идеи единения, согласия и Божественного покровительства. Пусть Мир и Божественный разум помогут вам сделать правильный выбор. Я понимаю, что всем нам будет трудно еще долгое время, но тем не менее мой политический опыт и знание жизни позволяют мне дать совет: еще раз довериться нынешней власти — власти Бориса Ельцина.

С уважением и любовью к вам, дорогие земляки,
ваша Т. Черторицкая

Летопись

из жизни Русской Древле-православной церкви

Второго февраля 1996 года в 22 часа на девяносто третьем году жизни скончался высокопреосвященнейший Геннадий, Архиепископ Новозыбковский, Московский и Всея Руси. Семнадцать лет возглавлял владыко Геннадий Русскую Древлеправославную Церковь.

* * *

Местоблюстителем Архиепископа Новозыбковского, Московского и Всея Руси епископом Аристархом (в миру — Афанасий Калинин) настоятелем прихода д. Филипповское назначен о. Никола (Субботин), постоянно проживающий в г. Семенове. Ему также поручено духовно окормлять древлеправославных христиан всего Борского района.

* * *

В ночь с 3 на 4 мая 1996 года после продолжительной болезни скончался настоятель древлеправославной церкви города Уреня о. Виктор (Ергаков). В похоронах приняли участие о. Герман Городецкий, о. Никола Филипповский, о. Иосиф из Обхода и диакон о. Иоанн.

Из старопечатного «Зборника духовныхъ стиховъ»

Никон

(Продолжение. Начало в номере за декабрь месяц)

Кривой бес шмыгнул из ада
Явился близ Москвы града
Это русская столица
Где царь жил тогда с царицей
Там же Никон обитал
К нему тайно бес предстал
В ухо стал ему шептать
Поручение давать:
«Вот, что слушай друг мой милый
Дам тебе большую силу
Ты за нашу-то доверность
Окажи свою примерность.
Ты нам должен помогать
Людей в ересь совращать.
Нам одним-то несподручно,
А с тобой благополучно
Мы пополним недочет
Дело адское пойдет.
Вот важнейший наш наказ
Назначается сейчас:
Стару веру отмени
Ея ложной назови
Древни книги отбирай
И сожженью предавай
Напечатай книги новы
И издай указ суровый,
Чтоб по старым не служили
И по солнцу не ходили,
А для знаменья креста,
Чтоб слагали три перста...
Постарайся же владыка
Радость будет нам велика...
Если ж слушаться не будут
Старины держаться вздумут
Таковых ты не жалей
Их на пытки поскорей
Строги кары налагай
И сожженью предавай,
Чтобы волю твою знали
И от страха трепетали.
Ему бес так нашептал
И под землю вмиг пропал.
Приобдумал Никон дело
И повел его умело
Он лукаво говорил
Царя в сети уловил
Никон пишет тут указ
Разсылает в тот же час:
Всем попам, архиереям,
Чтоб служить они не смели
По церковным книгам старым
И по отческим уставам.
Свою «память» разсылает
В пост поклоны отменяет
И для знаменья креста
Чтоб слагали три перста.

На фото: исследовательский коллектив Института рукописной и старопечатной книги.

Низкий поклон хранителям древлеправославной традиции и духовной русской культуры.

Мы сердечно благодарим всех, кто в течение многих лет оказывает нам бескорыстную помощь.

Объявление

Христианский детский лагерь «Ржевская обитель» и приход Покровской старообрядческой церкви г. Ржева извещают о начале записи детей от 7 до 16 лет на отдых в «Ржевской обители» летом 1996 года.

Мы приглашаем вас посетить наши места, отдохнуть, помолиться в Покровском храме, познакомиться и потрудиться вместе с христианами из других мест, углубить свои духовные познания, испытать романтику палаточной жизни, принять участие в увлекательных походах и поездках, пополнить запас энергии и здоровья и увезти домой добрые воспоминания о «Ржевской обители».

Приезжающих гостей «Ржевской обители» предполагается встречать в Москве, в ограде Покровского собора на Рогожском кладбище, и затем организованно доставлять в Ржев на поезде или автобусе.

Плата за пребывание одного подростка в «Ржевской обители» в течение одной смены определена в 200 тысяч рублей. Сюда входит стоимость питания, обслуживание и доставка из Москвы в Ржев и обратно. Однако, как и в прошлом году, кого-то мы сможем принять и на условиях лишь частичной оплаты.

Направьте нам письмо-заявку, в которой укажите ФИО и год рождения подростка, номер смены, ваш адрес и телефон.

Наш адрес: 172350, Тверская область, г. Ржев, ул. Калинина, д. 91, о. Евгению Чунину.

	I смена	II смена	III смена
Начало смены	5 июня	30 июня	25 июля
Сбор гостей на Рогожском	12.00	12.00	12.00
Окончание смены	29 июня	22 июля	14 августа
Возвращение гостей в Москву	14.00	14.00	10.00

Типография ГИПП «Нижполиграф».
Тираж 5000 экземпляров.
Подписано в печать 30 мая 1996 г.
Заказ № 10821.
Фотоиллюстрации номера
Сергея Лотырева

Газета выходит с декабря 1995 года.
«Старообрядец» — ежемесячное иллюстрированное издание.
Газета зарегистрирована в Поволжском региональном управлении регистрации и контроля Комитета РФ по печати.

Свидетельство № С 1125
Редактор Сергей Рудаков.
Адрес редакции (временный):
Н. Новгород, пр. Кораблестроителей, дом 26, корп. 2, кв. 31. Тел. 26-34-19